

АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА

ИМ. А.БАХОВАДДИНОВА

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

ХАССАНИ МОХАММАД ДЖАМШИД

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ В
ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ**

(на материалах Ирана и Афганистана)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Специальность: 09.00.11. – социальная философия

Научные руководители:

Саидов А.С. - доктор
философских наук, профессор,

Гиёев К.Х. - кандидат
философских наук, доцент

Душанбе – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-15
-----------------------	------

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

§1.1. Социально-философские концепции социальных изменений и модернизации традиционных обществ	16-44
§2.2. Типы и детерминанты процесса социальных изменений и модернизации традиционных обществ в современных условиях.....	44-62

ГЛАВА II. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ ИРАНА И АФГАНИСТАНА

§1.2. Особенности процесса модернизации и социальных изменений в традиционном иранском обществе.....	63-92
§2.2. Состояние взаимодействия традиции и модернизации в современном Афганистане.....	92-111
§3.2. Перспективы модернизации современных традиционных обществ Ирана и Афганистана	111-130

Заключение	131-137
-------------------------	---------

Список использованной литературы	138-146
---	---------

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире, где происходят бурные глобализационные процессы, все больше среди отдельных государств и народов прогрессирует стремление сохранить свою социокультурную идентичность. Это, прежде всего, объясняется тем, что общностное неприятие некоторых ценностей чужой культуры формирует контрадикцию, которая препятствует гармоничному существованию и взаимодействию различных этно-социальных групп. К тому же, имеющиеся противоречия еще больше углубляются, если действующая социально-политическая система не гарантирует равных возможностей для развития данных сообществ. Наличие реальных возможностей и размеренного социального пространства, естественно, достижимо в процессе социальных изменений, модернизации и его унифицирующего воздействия на все сферы жизни, составляющих данное общество и национальных объединений.

Сложившиеся в духе глобализации новый мировой порядок, общее информационное пространство, формирование наднациональных (международных) политических, экономических, финансовых институтов и идеологии, вносят коррективы в сознании большей части человеческого сообщества, веками укоренившихся стереотипов жизнедеятельности. Безусловно, в этом процессе принимают активное участие и страны Востока, многие из которых относятся к числу традиционных обществ.

Совершенно очевидно, что традиционные общества на нынешнем этапе развития, также подвергаются тотальному влиянию усложняющегося, обусловленного неизбежностью, хотя бы даже, утилитарного влияния достижений прогресса на развитие и выживаемость в мире конкуренции.

Изучение опыта модернизации таких традиционных обществ на Востоке, как Иран и Афганистан может объяснить всю сложность и многоплановость данного процесса, который выступает феноменом

прогресса человеческого общества вообще, и детерминирующим фактором трансформации социальных отношений незападного типа, в частности.

Уместно отметить, что большинство традиционные общества на Востоке (особенно Иран и Афганистан), невзирая на имеющиеся между ними определенные различия, связаны друг с другом сущностным единством. Например, объединяющими их факторами, в частности, являются такие показатели, как колониальное и полуколониальное прошлое, культурно-психологические особенности, религиозное верование, а также периферийное положение в мировой экономической системе.

Более того, относительно медленное сближение Востока с Западом в сфере культуры, религии, духовной жизни, по сравнению с темпами интенсивного восприятия достижений научно-технического прогресса, материального производства, также выступает для них объединяющим моментом. Тем временем, это естественно, поскольку процесс модернизации менталитета этно-национальной общности, ее исторически сложившиеся традиции охватывают относительно долгое время. Иначе говоря, несмотря на имеющиеся национальные различия, народов Востока по сей день связывает наличие у всех них определенной совокупности ценностей материального, интеллектуального и духовного бытия.

Все это, а также отсутствие в научной литературе обобщающего и комплексного анализа проблемы социальных изменений и процесса модернизации традиционных обществ Ирана и Афганистана в социально-философской ее интерпретации, обосновывают актуальность исследования темы диссертации.

Степень научной разработанности темы. Проблема взаимосвязи социальных изменений и процесса модернизации традиционных обществ, в определенной степени, серьезно изучена отечественными и зарубежными исследователями в разных направлениях обществоведческой науки. Поскольку исследования в этой области носят междисциплинарный характер, следовательно, во многих публикациях политологов, социологов, историков,

культурологов, философов и других, в той или иной мере, затрагиваются отдельные аспекты этой темы.

Так как в научной литературе имеется огромное количество проведенных разработок по различным аспектам данной проблемы, и в ограниченных рамках одной диссертации невозможно упомянуть всех их, поэтому считаем целесообразным, выделить среди них лишь основные источники, наиболее подходящие целью и задачами данной диссертации.

В связи с этим, прежде всего, следует отметить труды теоретиков социальных изменений и модернизации - О.Конта, Г.Спенсера, К.Маркса, М.Вебера, Ф.Тённиса, Н.Данилевского, О.Шпенглера, Э.Дюркгейма, А.Тойнби, У.Ростоу, К.Ясперса, П.Штомпки и других,¹ где авторы в поисках прогностических моделей западного общества строят общий фундамент своих теоретических построений и рассматривают модернизацию как цивилизационный процесс.

Большой вклад в совершенствовании методологической базы теории социальных изменений и модернизации внесла концепция структурного функционализма Т.Парсонса и Р.Мертонса, которую затем развивали Г.Алмонд, К.Гриффин, Д.Макклелланд, В.Момзен, У.Мур, У.Ростоу, Ф.Риггс, Р.Уарт, М.Халперн, С.Хантингтон, Э.Хейген, С.Эйзенштадт, А.Экштейн, Д.Эптер и др.

Немаловажное значение для научного осмысления вопросов, связанных с различными аспектами проблемы модернизации и трансформации общества, имеют разработки таких известных российских исследователей, как А.С.Ахиезера, А.А.Вартумяна, С.Н.Гаврова, Т.И.Заславскую, В.Л.Иноземцева, В.С.Мартьянова, Е.Метелеву, Г.Мирского, В.Г.Федотову, В.Г.Хороса, В.А.Ядова, Е.Г.Ясина и др.

Следует отметить, что проблемы, связанные с происходящими социальными изменениями и процессом модернизации в традиционных

¹ Названия работ этих и других далее названных исследователей приведены в конце диссертации, в «Списке использованной литературы».

обществах Ирана и Афганистана, исследователи этих стран начали изучать сравнительно недавно. В качестве существенных разработок, где подвергаются анализу отдельные аспекты этой сложной проблемы, можно назвать публикации иранских ученых - Довари Реза, Хушанг Мохруен, Шариф Вакил, Ахмад Солор Касрои, а также афганских исследователей - Асель Мир Патанг, Мухаммад Вахид, Губор Миргулом Мухаммад, Танин Зохир и др.

Отдельные стороны проблемы социальных изменений и процесса модернизации традиционных обществ Ирана и Афганистана также затронуты в исследованиях, как западных, так и таджикских ученых, к которым, например, можно отнести разработки Дж.Барьера (Julian Barrier), Х.С. Саидова и других.

Акцентируя высокую степень теоретической важности и практической значимости разработок вышеназванных авторов, тем не менее, необходимо подчеркнуть, что пока еще в современной обществоведческой науке отсутствует специально проведенная комплексная разработка проблемы социальных изменений и процесса модернизации традиционных обществ Ирана и Афганистана. Это и другие обстоятельства послужили причиной подвергать данную тему системному анализу в социально-философском ракурсе.

Актуальность и недостаточная изученность проблемы социальных изменений и процесса модернизации традиционных обществ Ирана и Афганистана обусловили формулировку цели и задач, представленного к защите диссертационного исследования.

Целью диссертационной работы является комплексное исследование происходящих социальных изменений и модернизация традиционных обществ Ирана и Афганистана с учетом влияния на них современных глобальных процессов.

Достижение указанной цели предполагает определить круг и решения следующих исследовательских задач:

- акцентировать и подвергать анализу существующие в науке социально-философские концепции социальных изменений и модернизации традиционных обществ;

- наметить основные формы и способы детерминации процесса социальных изменений и модернизации традиционных обществ в современных условиях;

- сформулировать базовые характеристики, варианты и доминантные факторы модернизации традиционных обществ в эпоху глобализации;

- определить и обосновать специфические особенности происходящих социальных изменений в традиционных обществах Ирана и Афганистана;

- обозначить и исследовать круг проблем, а также тенденции социальных изменений и процесса модернизации общества в современном Иране и Афганистане.

Объектом исследования выступают процесс социальных изменений и модернизация традиционных обществ на Востоке.

Предметом исследования является маневренность, рамки и возможности адаптивного восприятия традиционными обществами Ирана и Афганистана модернизационных процессов, а также философское обоснование, происходящих в них, социальных изменений.

Теоретико-методологическую и источниковую основу диссертации составляет комплекс историко-политологических, социально-философских принципов, предполагающих всестороннего объективного анализа проблемы социальных изменений и процесса модернизации традиционных обществ Ирана и Афганистана. Концептуально-методологической основой диссертации является сочетание различных подходов и методов исследования.

Наряду с другими общенаучными методами, которые применены в диссертации, особое место занимает принцип историзма - системно-деятельный подход, который позволяет соединить воедино динамику

социальных изменений и модернизации в различных традиционных обществах.

В анализе проблемы также использовались институциональный, структурно-функциональный и системный методы исследования социальных изменений для оценки взаимозависимости позитивных достижений в традиционных обществах в их модернизации.

Источниковой базой диссертационной работы послужили труды таких известных мировых ученых, в области изучения социальных изменений и теории модернизации, как П.Штомпки, М.Вебера, Р.Ингледарта, Т.Парсонса, С.Хантингтона, С.Ш.Эйзенштадта и др.

При рассмотрении основных положений проблемы нами также использован нормативно-ценностный подход, разработанный М. Вебером, Э. Шиллзом, С. Хантингтоном и другими исследователями в своих сочинениях.

С точки зрения данного подхода, принципиально важную роль в успехе модернизации играют традиционные для конкретного общества социальные отношения и характерные для него культурные связи. Применение познавательных возможностей данного подхода позволило показать значение исторически выработанных людьми ценностей для общества, находящегося в процессе модернизации его культурных и религиозных установок. Это, несомненно, стало чрезвычайно важным при изучении, происходящих социальных изменений и процесса модернизации таких традиционных восточных обществ, как Иран и Афганистан.

В данной работе нашли отражение теоретические положения, гипотезы, концепции многих отечественных и зарубежных ученых в области философии, политологии, социологии, культурологии, истории, а также специалистов по Ирану и Афганистану, чьи работы имеют непосредственное отношение к теме данного диссертационного исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что:

- впервые осуществлена попытка, через призму социально-философских принципов познания, комплексно исследовать проблему

социальных изменений и процесса модернизации в таких современных традиционных обществах Востока, как Иран и Афганистан;

- на основе социально-философской интерпретации феномена модернизации традиционных обществ и процесса социальных изменений в нем, определены и обоснованы его основные типы и детерминанты;

- акцентирована специфика происходящих социальных изменений в традиционных обществах Ирана и Афганистана в контексте их конкретно-исторических реалий, а также обозначены пределы адаптации данных социумов к внутренним и внешним факторам модернизационного процесса;

- подвергнуто научно-философскому анализу состояние и перспективы процесса модернизации современных традиционных обществ Ирана и Афганистана, выявлены соотношения их культурных особенностей через призму пропорции в этих обществах существующих реалий и возможностей трансформации социально-значимого.

Положения, выносимые на защиту:

1. При анализе происходящих социальных изменений в традиционных обществах и процесса их модернизации, в первую очередь, необходимо выявить теоретико-методологические основы рассматриваемой проблемы. В качестве такового, относительно темы нашего исследования, можно выделить разработанные в науке социально-философские концепции социальных изменений и модернизации традиционных обществ. Такой подход обусловлен тем, что эволюция теоретических подходов к социальным изменениям выявляет движение от теорий линейного поступательного развития самих социальных процессов. Он сводит тенденцию социальных изменений в русле универсального целенаправленного развития общества, как ступенчатого, детерминированного универсальными факторами (экономика, индустриальное (постиндустриальное) развитие, технологическое состояние), а также специфическими факторами в виде институциональной системы и особенностей культуры. Всеобщая дифференциация, свойственная западному социуму, пока еще отсутствует в

традиционных восточных обществах, что по мере усиления глобализационных процессов требует структурирования повседневной жизни, и усиливает необходимость возникновения институтов, регулирующих функционирование основных сфер жизни людей.

В связи с этим, методологической основой изучения социальных изменений и модернизационного процесса в традиционных обществах современного мира может стать интеграционно-комплексный подход, синтезирующий анализ институциональной базы традиционных обществ и адаптивную гибкость традиций без подрыва их репродуктивных основ. Важным в методологическом подходе к анализу социальных изменений в самобытных обществах и их модернизации является типологизация возможностей восприятия инноваций и определение рамок созидательного социального моделирования на основе цивилизационных стереотипов конкретных традиционных этно-национальных сообществ.

2. Процесс социальных изменений и модернизация традиционных обществ в современных условиях поливариантны, а также обусловлены объективными и субъективными факторами. Исследование процесса глобализации выделяет такие типы модернизации, как вестернизация без модернизации, модернизация без вестернизации, где модернизация осуществляется на основе национальных культурных ценностей и интегративная модель, которая является самой оптимальной для таких традиционных обществ, как Афганистан и Иран, что научно обоснованно. Такой вариант предполагает синергичные характеристики, учитывает национальный характер социума и его инновационный потенциал, выражающийся в потребностях и возможностях модернизации.

Зачастую в обществоведческой науке под социальным изменением понимается переход общества из одного состояния в другое, смена общественно-экономической формации, существенная модификация в социальной организации социума, его институтах и социальной структуре,

изменение установленных социальных образцов поведения, обновление и рост многообразия институциональных форм и др.

К числу основных детерминант процесса социальных изменений почти все исследователи относят: природные факторы – истощение ресурсов, загрязнение среды обитания, катаклизмы; демографические причины – колебания численности населения, перенаселенность, миграция, процесс смены поколений; изменения в сфере культуры, экономики, научно-технический прогресс; социально-политические (конфликты, войны, революции, реформы) и социально-психологические (привыкание, насыщение, жажда новизны, рост агрессивности) мотивы и другие. Перечисленные факторы социальных изменений могут являться как внутренними, так и внешними по отношению к данной социальной системе.

Феномен «модернизация» в современной социально-философской науке – это переход от традиционного общества, которое характеризуется преобладанием натурального хозяйства, стабильностью структуры, основанная на традициях, социокультурная регуляция процессов и господство религиозной идеологии в сознании абсолютного большинства масс к современному - индустриальному (наличие крупного машинного производства, урбанизация, утверждение рыночной экономики, возникновение социальных групп предпринимателей и наемных работников, становление демократии, гражданского общества и правового государства и др.).

Главными детерминирующими факторами модернизации выступают: урбанизация – быстрое увеличение количества городов, которое получает экономическое преобладание; индустриализация – динамично нарастающее применение машин в процессе производства; рост научных знаний о природе и обществе; секуляризация и культурная революция – приобретение светских черт сознания, снижение влияния религии на культуру и постепенное распространение грамотности.

Вышеназванные детерминанты социальных изменений и модернизации традиционных обществ постоянно взаимодействуют и в зависимости от конкретных условий могут видоизменяться.

3. Происходящие социальные изменения в современных традиционных обществах Востока (например, в Иране и Афганистане) и процессы их модернизации обладают специфическими особенностями, которые во многом отличаются от протекающих подобных актов на Западе.

Как известно, процесс модернизации в иранском обществе начался с противостояния противоположных культурно-политических действий, где в одном из них доминировала прогрессивная позиция, и его приверженцы формировали ментальное поле общественного восприятия вестернизации как неизбежного этапа развития общества. А в другом действии превалировал акцент на традиционные ценности и левый подход, в котором использовался радикальный инструментарий, а для его умозрительного обоснования использовался романтизм как форма спекулятивного параллелизма для подкрепления революционных действий.

Очевидный факт, что происходящим социальным изменениям в афганском обществе и его модернизации во многом препятствуют конкретные исторические обстоятельства и детерминированная ими позиция нынешнего правительства, не уделяющего достаточного внимания формированию ментальной готовности населения влиться в контекст социально-экономических и культурно-политических преобразований, происходящих в современном цивилизованном мире. Это объясняется, во-первых, тем, что позиция духовенства в Афганистане была более жесткой, чем в Иране, поскольку именно иранский шиизм делал более гибким восприятие модернизации и соотношения ее экономической, политической и социальной необходимости с традиционной системой ценностей.

Во-вторых, соединение оппозиции духовенства с племенными противоречиями и привилегиями в Афганистане, консервация племенных привилегий в экономической и политической сферах усугубляли неприятие

модернизации как унифицирующего процесса. Такая ситуация создаёт пропасть между трактуемой неизменностью традиции и готовностью масс принять унифицирующий фактор процесса модернизации афганского общества, а также неготовностью правительства заложить идеологические основы для расширения и адаптации инновационных импульсов широкими слоями населения.

4. Протекающие социальные изменения и процесс модернизации иранского и афганского обществ на современном этапе сталкиваются с рядом проблем и препятствий, которые могут негативно повлиять на дальнейший ход их реализации. Дело в том, что отправка идей модернизации от элиты к массам, как в Иране, так и в Афганистане всегда осложнена состоянием ретрансляторов, в роли которых выступали интеллигенция и духовенство. Безусловно, именно от способности превратить идеи модернизации общественную потребность, и адаптировать их к сохранению системы традиционных ценностей, которая зависела бы не только успешное вхождение общества в процесс модернизации страны, но и потенциальные возможности приспособления собственной традиционной системы к общей тенденции развития глобализирующегося мира.

В рамках процесса модернизации иранского и афганского обществ можно наблюдать протекание следующих основных тенденций:

а) Совершенствование всей системы общественных отношений и изменение уклада жизни - появление новых процедур и механизмов, регулирующих конфликты и разрешающих общественные проблемы.

б) Возрастание сознательности и самостоятельности отдельных индивидов и социальных групп, их заинтересованности в осуществлении культурно-просветительских преобразований.

в) В области экономики - максимальное распространение товарно-денежных отношений, появление новых передовых технологий, достижение высокого уровня профессиональной специализации менеджеров и наемных работников.

г) Изменение социальных отношений - переход от неподвижного сословного общества к динамичному, основанному на высокой социальной мобильности и социальной конкуренции, социуму.

5. Трансляция идей модернизации от элиты к массам в Иране и Афганистане всегда была осложнена состоянием преобразователей, в роли которых выступали интеллигенция и духовенство. Именно от их способности донести идеи общественной потребности в усовершенствовании уклада жизни, и адаптировать этот процесс к сохранению системы традиционных ценностей зависело не только успешное вхождение общества в процесс модернизации страны, но и потенциальные возможности адаптации собственной традиционной системы в общем процессе развития глобализирующегося мира.

Как не парадоксально, ни интеллигенция, ни духовенство в период пребывания их в оппозиции официальной власти не смогли транслировать новые идеи в общество, так как источник происхождения таких идей и мыслей принадлежал другой культуре и традиции. Однако в период их властвования экономический и политический факторы диктовали им необходимость вновь и вновь генерировать модернизационный процесс в иранском и афганском обществах, что будет иметь место и в перспективе.

Научно-практическая значимость исследования. Основные положения и полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего развития идей и концепций, связанных с вопросами исследования процесса модернизации в традиционных восточных обществах, в том числе Ирана и Афганистана. Некоторые идеи и выводы диссертации могут находить своё применение в качестве материалов при чтении лекции по социальной философии и социологии для студентов, магистрантов, аспирантов.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела социальной философии Института философии, политологии и права им. А.Баховаддинова Академии наук Республики

Таджикистан. Главные положения и полученные результаты диссертации излагались в докладах и выступлениях диссертанта. Основное содержание диссертации отражено в опубликованных работах диссертанта в журналах, реферируемых ВАК Минобразования науки РФ, а также зарубежных периодических изданиях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих пяти параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

1.1. Социально-философские концепции социальных изменений и модернизации традиционных обществ

Многомерность и многоаспектность социальных изменений в конкретных обществах на протяжении всей истории развития социально-философской мысли были основным фактором разнообразия взглядов и подходов к пониманию закономерности социальных изменений и, собственно, социального развития, как проблемы типологизации и социального моделирования.

Совершенно обосновано этому поводу утверждение, что: «Безнадежно пытаться свести социальное изменение к одной - единственной модели»¹. Независимо от различия подходов, в любом случае исследование процесса социальных изменений оперирует понятиями некоего состояния или статики (фиксируемого на момент исследования), а также фазы изменений - процесса (или собственно социальных изменений). Значительное число концептуальных подходов к исследованию социальных изменений связывают сущность этих изменений с состоянием целостной системы как единого организма.

Следует отметить, что на настоящее время в обществоведческой науке существуют недостаточно обобщающих определений понятия «социальных изменений», оставляющих простор для дальнейших его трактовок и теоретизации. Под социальными изменениями, например, американские социологи понимают «любую необратимую переменную социальной системы,

¹Boudon Raymond. The Logic of Social Action. London: Rutledge. 1981. - P. 133.

рассматриваемой как целостность»¹. Или соответствующее обобщающему смысловому толкованию определение социальных изменений дано российским исследователем: «Социальные изменения - одно из наиболее общих и широких социологических понятий. В зависимости от исследовательской парадигмы, под социальным изменением понимается переход социального объекта из одного состояния в другое, смена общественно-экономической формации, существенная модификация в социальной организации общества, его институтах и социальной структуре, изменение установленных социальных образцов поведения, обновление и рост многообразия институциональных форм и др.»²

Древнегреческий поэт Гесиод в поэме «Труды и дни» сформулировал мифологическую концепцию социальных изменений, в которой рассматривал пять состояний, начиная с «золотого века» (или «золотого поколения»), которые отражали регрессивный или деградационный процесс изменений в обществе³. Истоки современной западной цивилизации зиждятся на идее восприятия истории как единого непрерывного социального прогресса, которая получила подкрепление в XIX в. с введением в научный оборот понятия «эволюция». Общество воспринимается включенным в единый поступательный процесс развития по аналогии с развитием биологических видов (биологических организмов).

Согласно теории социальной эволюции Г.Спенсера, биологические организмы и человеческие общества подчиняются единому закону эволюционного развития, становясь все более сложными структурно, а дифференциация их структурных элементов обуславливает их взаимозависимость. «У Спенсера выделено три вида эволюции: неорганическая, органическая и надорганическая. Надорганическая эволюция – это предмет социологии, которая занимается как описанием

1Hawley A. H. Cumulative change in theory and in history. American Sociological Review, 1978.-№ 43.-P. 787.

2Кирдина С.Г. Социальные изменения / Социологическая энциклопедия, т.2, 2003, с.480-483. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=232

3См.: Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма/Пер.В.Вересаева. - М.: Недра, 1927.- 88 с.

процесса развития общества, так и формулировкой основных законов, по которым эта эволюция протекает».¹ При этом дифференцированность содействует росту интегрированности, а роль государства минимизируется: «...Идеалом, к которому мы идем, является общество, в котором управление будет доведено до возможно меньших пределов, а свобода достигнет по возможности наибольшей широты»².

Центральным в теории социальных изменений Моргана является сформулированная на основе анализа значительного фактического материала стадийная теория о едином прогрессивном пути развития человечества: от «дикости» через промежуточную стадию «варварства» к состоянию «цивилизованных» народов³.

Для Э.Дюркгейма социальные изменения - это переход от механической солидарности, базирующейся на неразвитости и сходстве индивидов и их общественных функций, к органической солидарности, которая основана на основе разделения труда и социальной дифференциации, и ведет к интеграции людей в единый социум и является высшим моральным принципом общества⁴.

Примечательно, что К.Маркс и Ф.Энгельс под влиянием эволюционных идей сформировали схему естественноисторического развития, выдвигающего одни и те же обязательные для всех обществ на стадии формации, включая азиатскую⁵, причем диалектическая схема теории развития по Марксу уходит корнями в предложенную Гегелем схему движения через отрицание к новому уровню. Определяющим фактором социальных изменений для Маркса стали производительные силы общества,

1 Латова Н. Герберт Спенсер // Энциклопедия Кругосвет. - URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/SPENSER_GERBERT.htm; | История теоретической социологии, в 5 тт. Под ред. Ю.Н. Давыдова, т. 2, раздел третий, Гл. 2. - М., Магистр, 1997. - 326 с.

2 Громов И.А., Мицкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. - М., 2006. - С. 20.

3 См.: Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. - Л., 1933.

4 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М., 2005. - С. 214.

5 Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. - С.7.

их рост приводит к очередной смене способа производства и, соответственно, смене общественно-экономической формации. По мере формирования новых классов, их интересы приходят в противоречие с интересами классов и характером господствующих и действующих производственных отношений. Тем самым, возникает конфликт внутри способа производства, образуемого единством производительных сил и производственных отношений. Прогресс общества возможен только на основе кардинального обновления способа производства, а новые экономические и политические структуры могут сформироваться лишь в результате социальной революции, осуществляемой новыми классами против прежних, господствующих отношений. Марксистская концепция сочетает как эволюционный, так и революционный подходы в анализе феномена социальных изменений.

Очевидный факт, что в учении марксизма линейность и поступательная направленность процесса социальных изменений неоспорима. Маркс, к примеру, опираясь на понятие социальной революции, сделал его центральной категорией философии истории. По его мнению, революция, в силу ее инструментария, ведет к тотальности социальных изменений, так как обычно связана с полной заменой системы ценностей, а социальную реформу необходимо рассматривать как изменение, реализуемое на основе существующих в обществе ценностей, продолжающих оставаться актуальными. Им революция рассматривается как быстрое и радикальное изменение в жизни социума, а реформа - медленное, эволюционное развитие, охватывающее лишь отдельные направления социальной жизни.

Уместно напомнить, что в книге «Закат Европы» Освальд Шпенглер обосновал концепцию циклического развития культуры, как важной части социальных изменений, основная идея которой - дискретность, прерывность истории, круговорот локальных, ограниченных в пространстве и времени культур. Культуры зарождаются, вырастают, будучи абсолютно изолированными, лишенными общих связей. Их жизненный цикл заканчивается смертью. Шпенглер выделяет восемь типов культур,

достигших своего завершения. Шпенглер по аналогии рассматривает такие фазные отправные моменты в жизни каждой конкретной цивилизации, как концепция нового числа, расцвет систематического развития, внутреннее завершение мира чисел¹.

В этой связи теория цивилизаций А. Тойнби, продолжая учение О. Шпенглера, по существу, в социологическом смысле также является отказом от универсальности непрерывного поступательного прогресса. Религиозное видение истории как взаимодействия мирового закона - божественного логоса и человечества по Тойнби, формирует однонаправленность на постижение бога через самораскрытие человека, главным в развитии замкнутых обществ является религия и форма ее организации. Другой критерий классификации обществ - степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло². Опираясь на эти критерии, Тойнби выделяет цивилизацию. В их числе - египетская, андская, китайская, минойская, шумерская, майянская, индийская, эллинская, западная, православная христианская (в России), дальневосточная (в Корее и Японии), иранская, арабская, индуистская, мексиканская, юкатанская и вавилонская. Из существующих, большинство цивилизаций идут к упадку и разложению.

Параллельно теориям линейного процесса социальных изменений в первой половине XX века были популярны теории циклических изменений, которые отвергают собой поступательность и непрерывность социального прогресса. К числу их относились концепция «циркуляции элит» итальянского социолога Вильфредо Парето. Он основной причиной социальных изменений видел в стремление перераспределения социальных статусов, назвав этот процесс «циркуляцией элит»: «... феномен новых элит, которые в ходе непрерывной циркуляции, возникая в низших стратах общества, поднимаются в его высшие страты, там захватывают себе пространство и впоследствии приходят в упадок, вымываются и исчезают, представляет собой один из самых важных исторических

¹Шпенглер О. Закат Европы. Электронный ресурс. – URL: [http://www.file:///C:/Users/User/Downloads/Zakat Evropi. Obraz dejstvitel'nostj. pdf](http://www.file:///C:/Users/User/Downloads/Zakat%20Evropi.Obraz%20dejstvitel'nostj.pdf).

²Тойнби А. Постигание истории. Сборник. - М., 1996. - С. 64.

фактов, и его необходимо принять во внимание, чтобы понять крупные социальные движения. Очень часто существование этого объективного феномена бывает завуалировано воздействием на нас страстей и предрассудков, и то, как мы его воспринимаем, существенно отличается от того, каков он в реальности. Циркуляция, которая возносит элиты, рождающиеся в низших стратах, к вершине, а также низвергает и приводит к исчезновению властвующие элиты, в основном, бывает скрыта за множеством фактов. Прежде всего, это связано с тем, что данный процесс развивается, как правило, достаточно медленно, и потому, только изучая историю за длительный период времени, к примеру, в несколько веков, можно постичь общий характер и основные линии такого движения».¹

Как известно, в 60-е годы прошлого столетия завоевала популярность концепция «пяти стадий экономического роста» американского социолога и экономиста У. Ростоу. Если для Маркса важным принципом выделения фаз развития являлся способ производства, то для Ростоу главными оказались другие экономические критерии – технологические инновации, скорость экономического роста, изменения в структуре производства. В соответствии с этими критериями У. Ростоу выделяет пять стадий развития общества, две из которых являются промежуточными, обеспечивающими переход к новой фазе развития. Это:

- традиционное (аграрное) общество с примитивной техникой и преобладанием сельского хозяйства в экономике, сословно-классовой структурой. Власть находится у крупных земельных собственников.

- переходное общество, которое характеризуется ростом производительности, развитием национальной территориальной и экономической интеграции, становлением централизованного государства;

- стадия экономического подъема, связанного с промышленным переворотом, внедрением передовых технологий. На данном этапе зарождается предпринимательство, происходит становление централизованных государств, отмечается рост национального самосознания.

¹Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология: Антология в 2-х частях. Часть 1. - М.: «Университет», 2002. - С. 269.

- стадия «зрелости», или индустриального общества, проявляющаяся в бурном развитии промышленности, возникновении новых отраслей производства, широком внедрении достижений науки и техники, урбанизации и т.д.;

- стадия развитости, которая также называется эрой высокого массового потребления, когда общество в первую очередь ориентируется не на проблемы производства, а на потребление, а в экономике доминирует производство услуг¹.

Вполне закономерно, что концепция Ростоу явилась базовой для последующих теорий постиндустриального общества, в том числе - теории супериндустриального общества Э.Тоффлера, который считал, что происходящие в западном обществе технико-технологические изменения детерминируют ход социально-экономического развития. Трехстадийное развитие социумов (три волны технологического развития) по Тоффлеру, высшей стадией имеет супериндустриальное общество. Он считает, что, проблемы, обусловленные кризисом индустриального общества и началом третьей волны, имеют глобальный характер. С развитием супериндустриального общества Тоффлер соотносит гуманизацию всех сфер социальной жизни, что обусловлено переходом к новым, более совершенным технологиям: «В таком обществе главными характеристиками личности являются высокая адаптационная способность и мобильность. Вплоть до настоящего времени человечество пережило две огромных волны перемен, и каждая из них, в основном, уничтожала более ранние культуры или цивилизации и замещала их таким образом жизни, который был непостижим для людей, живших ранее. Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна – рост промышленной цивилизации - заняла всего лишь 300 лет. Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно,

¹ Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. A Non-communist Manifesto. Cambridge, 1960.

что третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий»¹.

Третья волна разрушает все старые властные отношения, привилегиям и формирует иной контекст борьбы за власть, и новая формирующаяся цивилизация является высокотехнологичной и антииндустриальной. Эта волна предполагает совершенно новый уклад жизни и в социальной сфере: «жизни, основанный на разнообразных возобновляемых источниках энергии; на методах производства, делающих ненужными большинство фабричных сборочных конвейеров; на новых ненуклеарных семьях (нуклеарная или малая семья — семья, состоящая из родителей и детей.); на новой структуре, которую можно бы назвать «электронным коттеджем»; на радикально измененных школах и объединениях будущего. Возникающая цивилизация пишет для нас новые правила поведения и ведет нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти»².

И все же, системный и структурно-функциональный подходы, имеющие распространение в исследованиях гуманитарных наук, в XX веке надо признать господствующими.

Анализируя системную модель как порождение концепции социальных изменений, Петр Штомпка говорит об уровнях человеческого общества, на которых социальные отношения образуют системы: «На макроуровне в качестве системы может рассматриваться «глобальное общество» (человечество), на среднем уровне (мезоуровень) - национальные государства и региональные политические или военные союзы, на микроуровне - локальные объединения, ассоциации, фирмы, семьи, компании друзей и т.д.»³.

Он также утверждает, что социальные изменения «могут различаться в зависимости от того, какие именно аспекты, фрагменты и изменения системы в

¹Тоффлер Э. Третья волна. Электронная библиотека. – URL: http://royallib.com/read/toffler_elvin/tretya_volna.html#0. - С.12.

² Там же.

³Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер, с англ, П од ред. В.А.Ядова. - М., 1996. - С.19-20.

них вовлечены. Ведь состояние системы само по себе не одномерно, оно представляет собой обобщенный, суммарный результат состояния многих компонентов. Среди них:

- 1) конечные элементы (число и разнообразие человеческих индивидов, их действий и т.д.);
- 2) взаимосвязи элементов (социальные связи, отношения личной преданности и верности, взаимодействия, обмена и т.д.);
- 3) функции элементов системы как целого (необходимость определенных действий для сохранения социального порядка и т.д.);
- 4) границы (критерии включения, принципы рекрутирования, условия принятия индивидов в группу или контроля включения в организацию и т.д.);
- 5) подсистемы (число и разнообразие специализированных областей, секций, подразделений и т.д.);
- 6) окружение (естественные условия, соседство других обществ, геополитическое положение)¹.

Изучая сущность социальных изменений, некоторые современные западные социологи её определяют таким образом:

•«Социальное изменение — это происходящее с течением времени преобразование в организации общества, образах мышления и образцах поведения»².

•«Социальное изменение означает «наблюдаемые с течением времени различия в отношениях между индивидами, группами, организациями, культурами и обществами»³.

•«Социальные изменения являются чередованием во времени поведенческих образцов, социальных взаимосвязей, институтов и социальных структур»⁴.

1 Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер, с англ, Под ред. В.А.Ядова. - М., 1996. -С.20-21.

2 Persell, Caroline Hodges 1987. Understanding Society. - New York: Harper & Row. - P. 586.

3 Ritzer, George, Kammeyer, Kenneth C. and Yetman, Norman R. 1987. Sociology: Experiencing a Changing Society. Boston: Allyn and Bacon

4 Parley, John E. Sociology, 1990. - P. 626.

Вместе с тем, другие социологи, предлагая свои теории, за исключением социалистической идеологии, не могут вселить оптимизма своими футурологическими прогнозами, основанными на трендовом анализе. Не случайно Сидней Поллард утверждает, что «мир сегодня верит в прогресс, потому что единственной альтернативой будет всеобщее отчаяние»¹.

Как отмечает Ю. Хабермас, «Слово «модернизация», как термин, было введено в употребление лишь в 1950-х гг.; с тех пор оно характеризует теоретический подход, который, перенимая постановку вопроса у Макса Вебера, разрабатывает ее научными и теоретическими средствами социального функционализма. Понятие «модернизация» относится к целой связке кумулятивных и взаимно усиливающихся процессов: к формированию капитала и мобилизации ресурсов; к развитию производительных сил и повышению продуктивности труда; к осуществлению центральной политической власти и формированию национальных идентичностей; к расширению политических прав участия, развитию городских форм жизни, формального школьного образования; к секуляризации ценностей и норм и т.д.»²

Другим источником в этой области считается книга Хьюстона Смита под названием «Религиозное значение постмодернизма». Эта работа является, своего рода, ответом на процесс модернизации с критической точки зрения: «Если традиционных людей представим как людей смотрящих на мир через окна божественного Откровения (мифы и свои священные Писания), окно к которому народы обращают свое лицо в современную эпоху (наука), это значит, что мы дальше своего носа ничего не видим. С точки зрения познания знаний, это означает, что когда смотрим из окна науки, наш взгляд падает вниз и когда видим вещей, которые на много малы, чем мы сами, тогда наш взор устремляется вверх»³.

1 Lasch, Christopher 1991. The Truly and Only Heaven. - New York: Norton, - P. 42.

2 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. - С.8.

3 Хьюстон Смит. Религиозное значение постмодернизма: ответ // Журнал «Отзывы», 1977. Q-IV, № 3и4.

Проблема социокультурной трансформации в контексте перехода от традиционного к нетрадиционному обществу стала объектом изучения философской мысли на протяжении XIX и XX веков, в рамках различных подходов формировались основные концептуальные представления о ходе этого процесса.

Индустриализация в сфере экономики и ее осмысление вызвало к жизни потребность научного осознания модернизации как одного из содержательных аспектов концепции индустриализации в виде теоретической модели семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры. Философская традиция, начиная с XIX века, в различном контексте фиксировала содержательную эволюцию социальности, идущую параллельно формированию промышленного уклада в экономике, и по мере ее осмысления стали формироваться основы концепции модернизации.

Столкновение традиций и новаторства, или как это сегодня называют модернизация, возможно, является неизбежным. Однако необходимо выяснить, что можно ли привязываясь к ценностям и инструментам традиций и удаляясь от ценностей и инструментов новаторства, или сопротивляясь их равенству, решить эту проблему и перейти от понятия традиции к новому понятию модернизация. Для этого, прежде всего, необходимо рассматривать и понять значение этих терминов, а также эволюцию в контексте перехода от традиции к модернизации.

Заметим, что модернизм, как историческое явление, относится к конкретному периоду (после XIV века в Европе) со своей культурой, идеологией, системой организации, экономики, правительством, социальным и культурным строем.

Характерно, что модернизация используется для обозначения образа жизни и состояния души тех, которые практикуется опытом современной эпохи. Она может применяться для конкретного исторического периода. В этом контексте модернизация представляет собой современный период развития истории и противопоставляется традиционному периоду развития.

Модернизация или усовершенствование осуществляется для адаптации к изменениям от архаичного к современным процессам (она используется в согласии с текущим периодом и периодом новаторства). Модернизм означает быть современным и по этой причине в персидском языке этот термин принят как «модерният»¹. Модернизацию можно рассматривать как результат инфинитива современности, хотя на латинском языке слово модерн означает равенство, что не отвечает полному смыслу этого термина. Многие теоретики по этому вопросу имеют близкие друг другу мнения, что модернизация это образ сегодняшней жизни, которая как новый персонаж заменяет старый уклад жизни.

Стоит упомянуть, что Шету Брайан в 1849 г. в своей книге «Мемуары о загробной жизни», впервые охарактеризовал термин модернизм, как «Чистота социальных проблем, которые сопровождают нас». Этот термин в таком смысле далее не был востребованным, поскольку Брайан в корне его вложил романтический смысл. Романтики придерживались идеи, что «мы должны принадлежать нашей общине». Джованни и Шамиру, его сподвижники в Милане, в 1817 году писали, что художник должен быть современным и быть современным является его ответственностью и обязанностью. В конце 2007 г. Буд предложил более точную трактовку этого термина, который не содержал понятия войны с прошлым².

Согласно утверждению Шарля Будлера, такое определение модернизации не является полным. По его мнению, быть современным означает осознания того, что от прежней жизни остались привычки, и мы должны с ними бороться³.

Общеизвестно, что XVIII век считается веком Просвещения. Вольтер, который являлся выразителем индивидуальной свободы и уважения к человеческому интеллекту, говорил, что дух века модернизации не имеет ничего общего с Духом Библии. Это есть результат создания различных

1 Ассирийская культура. Гуманитарные науки. - Тегеран, 1995. - С. 230.

2 Бабак Ахмади. Современная архитектура. - Тегеран, 1998. - С. 50.

3 Будлер С. Роль современной жизни. - Париж, 1993. - С. 413.

человеческих правлений. Век Даламбера, базирующегося на философии просвещенных писателей, которые были не последними представителями эпохи Ренессанса, создали новое видение мироздания и человека. Подобное видение стало фундаментом модернизма и способствовало созданию основной концепции современности и цивилизации. Философия Просвещения стала интеллектуальной основой всей науки, промышленности, искусства, литературы и жизни в целом¹.

Разумеется, в своей научной интерпретации понятие «модернизация» - это «процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»². Модернизм часто используется для обозначения опыта или готовности соответствовать новым подходам, практики, новым стилям в литературе, для тех интеллектуальных движений, которые на рубеже 1850-1950 гг. выступали против натурализма, позитивизма, романтизма, эмпириомонизма и сюрреализма. Богословские движения, которые направлены на адаптацию к новым критическим дискуссиям, являются примером современного использования модернизма³.

Трактовка феномена модернизации исследователями в более емком виде звучит следующим образом: «Модернизация предполагает социальные, экономические, политические, экологические, демографические, психологические изменения, претерпеваемые обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа»⁴. Нельзя также не согласиться и с мнением, что под принципиально модернизирующими социальными институтами «следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические

1Хушанг Мохруен. Модернизация и кризисы. - Тегеран, 2004. - С. 12.

2 O'Connell, James. The concept of modernization, in: Black. - New York, 1976. - PP. 13-24.

3 Гибинз Бурйе. Политика постмодернизма. - Тегеран, 2002. - С. 25.

4Ермаханова С. Теория модернизации: история и современность. Ермаханова С. А. «Теория модернизации: история и современность» Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. - Новосибирск, 2005. – URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles.

институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям и вызовам современности. В духовной области происходит изменения в ценностных ориентациях социальных групп, возникает необходимость освоения новых ценностей, соответствующих современным реалиям, секуляризация образования и распространение грамотности, многообразие течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие средств распространения информации, приобщение крупных групп населения к достижениям культуры»¹.

Известный западноевропейский исследователь П.Штомпка на основе анализа теорий модернизации, рассуждая о ней, делает вывод о трех смыслах. Первый смысл, который он вкладывает в этот термин, предполагает модернизацию синонимом всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед. Второй смысл отождествляет модернизацию и с ее комплексом социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций на Западе, которые произошли к XIX-XX вв. (урбанизация, рационализация, бюрократизация, демократизация, распространение индивидуализма и мотивация успеха, утверждение разума и наук). Третий смысл относит «модернизацию», к отсталым или слабо развитым обществам, и их усилиям догнать более развитые страны.²

Считается, что модернизация как процесс в конкретных обществах имеет две совершенно противоположные фазы. Первая фаза связана с изменениями, осуществляемыми на базе существующих институтов и системы ценностей, в этой фазе модернизация воспринимается частью социума как прогрессивное движение к более совершенному устройству. После достижения определенной точки в этом движении, процесс изменений еще не является необратимым. Если ожидания социума завышены, модернизация начинает вызывать недовольство, появляются

¹Ермаханова С. Теория модернизации: история и современность. Ермаханова С. А. «Теория модернизации: история и современность» Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. - Новосибирск, 2005. – URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles.

²Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ, П од ред. В.А.Ядова. - М., 1996.

новые социальные проблемы, которые осложнены к тому же неравномерным развитием государств.

По мнению другого видного западного социолога Р. Инглегарт, ключевыми аспектами модернизации являются индустриализация, урбанизация, рост профессиональной специализации и повышение уровней формального образования в обществе. Он считает, что зрелые западные индустриальные общества в конце XX века достигли в своем развитии некоей поворотной точки и стали уже далее двигаться в направлении постмодернизации, которая изменяет сами базовые нормативы политической, трудовой, религиозной, семейной, и в том числе половой жизни. Вместе с тем, термин «модернизация» «имеет важное значение, поскольку в нем заложен определенный концептуальный смысл, согласно которому процесс, называемый модернизацией, уже не является самым последним событием в современной истории человечества и социальные преобразования развиваются сегодня совершенно в ином направлении»¹.

В этой цепи заслуживает констатацию утверждение иранского учёного Закои Мухаммад Саид, который считает, что новая фаза модернизма отличается от модернизма начальной фазы, а это подтверждает современное индустриальное общество. Вторую фазу модернизма он называет «Общество рисков», которое изменяет не только отношения между и за пределами национальных государств, но и коренным образом качество социальной, политической и культурной жизни общества. Эта фаза охватывает проживание людей в обстановке отсутствия уверенности, неопределенности и большей сложности.²

Как выше нами было отмечено, модернизм является исторической особенностью определенной исторической эпохи, которая началась в XVI веке на Западе и продолжается до наших дней. В ту эпоху человеческой жизни, Европа сталкивалась с глубокими принципиальными изменениями.

¹Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. Под ред. В.Иноземцева. - М., 1999. - С. 268.

²Зокаи Мохамед Саид. Социология молодежи, второе издание. - Тегеран, 2007.

Наиболее важным событием этого периода явилось резкий скачок в области науки и техники, появления демократических революций в Европе, Америке, развития независимой экономической системы, основанной на обмене товарами во всем мире, и постепенное расширение эскалации секуляризма.¹

В истории цивилизации Эпоха Просвещения известна также как период рационализма. По Гегелю, разум в этот период достигла своего пика развития, который в своем блеске проявился в XIX веке в образе жизни европейцев и европейской общины.² Идеи и принципы Века Просвещения можно оценить как философскую, религиозную и общественную мысль, которые повлияли на историю Запада в XVIII веке. Этот век представляет большое интеллектуальное движение в истории западного сознания. Он способствовал формированию более глубоких социальных и культурных движений, как великая французская революция периода Ренессанса, умозрительные и нравственные устои которой до сих пор распространены на западе.

Выдающийся представитель этой эпохи - Кант в своей повседневной жизни и в своих мыслях был истинным просветителем, потому, что как и другие просветители пользовался двумя основными достоинствами этого периода: просвещением и предвидением. Однако Канта необходимо воспринимать больше чем простого просветителя, так как логическая точка разрыва, чем он известен в истории современного Запада, выходит за пределы вопроса Просвещения. Инновации Канта заключаются в правовых положениях для признания моральных ценностей, этики, и важным нравственным предметом для Канта является свобода. В своей книге Кант указывает, что принудительная свобода для личности непознаваем, она неразрывно связана с мышлением.³

1 Зокаи Мохамед Саид. Социология молодежи, второе издание. - Тегеран, 2007. - С15.

2 Таги Рахмони. Религиозные просветители и ум модернизма. - Тегеран, 2005. – С. 25.

3 Джаханбеглу Р. Современность, демократия и интеллектуалы. - Тегеран, 1374. - № 34. – С. 4

С точки зрения Канта путь модернизма лежит через Просвещение и Образование. Сегодня, живя в начале двадцать первого века, многие утверждают, что наступил период, когда социальные науки должны противостоять традициям, а человечество должно идти в сторону модернизма. С точки зрения степени расширения и масштаба современность разделяют на три этапа. На первом этапе, который начался примерно в XVI веке и продолжался до XVIII века, люди экспериментировали с современной жизнью. Их понимание современного общества был минимальным. Второй этап начинается с революционной волной первого десятилетия 1790 г. В период после Великой французской революции, внезапно образовалась одна современная республика. Все существа в этом современном обществе считали, что живут в революционном веке.

В то же время, многие из людей в этом современном обществе считали, что какова жизнь в мире, которая никоим образом не является современным. Из-за этой внутренней двойственности и смысла жизни, в то же время, страдание и мир отличаются, и поэтому появились идеи модернизации и модернизма. В XX веке, а именно в третьем заключительном этапе, процесс модернизации так расширяется, что практически он охватывает весь земной шар и растущая глобальная культура и модернизм в искусстве и мышлении и приобретает сокрушительную победу.¹

Каковы же положительные и отрицательные аспекты модернизма? Модернизм – это одно явление с двумя сторонами. Эволюция современных социальных институтов и его глобальная экспансия, по сравнению с любой до модернизма системой, предоставил дополнительные средства для комфортной и приятной жизни для человека. Но современность тоже имеет особую остроту, что очень очевидно в нынешнем веке.²

1 Берман М. Опыт современности. - Тегеран, 1384. - С. 17.

2 Махрвиан Х. Мы, современности и кризис. – Тегеран, 1383. - С. 52.

Основатели социологии, в том числе Маркс, Дар Ким, Вебер, произвольное использование политической власти и диктатуры считали особенностями до современных государств. В результате становления фашизма, сталинизма и аналогических событий, в XX веке мы видим, что институциональные факторы, вместо отказа от тоталитарных систем, сохранили ее в себе.¹

Тоталитарная диктатура отличается от традиционной тирании, но ее результат намного страшнее. Тоталитарное право, политическая и военная сила делают идеологию более концентрированной, чем то, что было возможно до появления современных государств. Не только угроза ядерной конфронтации, а реальность военных конфликтов создают основу современности в нашем веке.

Двадцатый век является веком войн и военных конфликтов. В нем серьезные военные противостояния с драматическими человеческими жертвами, больше, чем два столетия назад. Мир, в котором мы живем сегодня, является опасным и устрашаемым. Здесь мы можем сослаться на три подхода, которые в определенной степени свободны от продолжающегося влияния классической социальной теории, и которые, в конечном счете, дают убедительные и удовлетворительные решения для современных учреждений.

Первый подход касается идентификации параметров, характерных для современности. Второй и третий подходы также касаются взаимосвязи между социологическим знанием и познанием особенностей современности.²

Среди традиций в социологии, наиболее доминирующим является теоретическая традиция. Она отражена в работах Маркса, Дюркгейма и Бэр Ришара, которые в основном обращают внимание на всестороннее стимулирование и изменение в интерпретации природы современности.

1 Махрвиан Х. Мы, современности и кризис. – Тегеран, 1383. - С.54.

2 Современность и модернизм: Сборник статей о политике, культуре и социальной теории / Переводчик и редактор – Хоссейн Нозари. – Тегеран, 1378. - С. 146.

С точки зрения тех, кто разочарован влиянием идей Маркса, основные силы перемен в современном мире является капитализм. С точки зрения Дюркгейма, динамический и турбулентный характер современности является результатом капиталистического цикла, новым социальным порядком труда. Вебер, как и Маркс, говорил о капиталистической системе. Тем не менее, у него использование категории капиталистической системы полностью отличаются от смысла этого понятия в трудах Маркса.

Второй подход таков: понятие общество занимает центральное место в социологии. Писатели, которые социологию понимают аналогично исследованию и изучению общества, даже если они будут не честными в своих высказываниях, тем не менее они общество связывают с современностью. Авторы концептуализации, общество обозначают как четкое системное мышление, которой свойственно самостоятельная внутренняя согласованность. Для них общество это те же национальные правительства.¹

Согласно третьему подходу, в других формах трудностей, социология представляется наподобие процесса рождения знания, или знания для понимания современной социальной жизни. Последний пункт, несомненно, сложнее, чем другие, но пока не является достаточно полным, поскольку ее терпение относительно открытой освещенности, сияния и отражения, является простой концепцией.

Институциональные аспекты современности и их взаимосвязи имеют четыре вида²: первый - капитализм, второй – система промышленности, третий - военная мощь, четвертый - сохранение капитализма, что является устойчивым и считается одной из производственных систем товарооборота на основе соотношения между капиталом и наемным трудом без остатков собственности. Целью системы промышленности является

1Современность и модернизм: Сборник статей о политике, культуре и социальной теории / Переводчик и редактор – Хоссейн Нозари. – Тегеран, 1378. – С.146.

2Там же - С. 67.

использование ресурсов неживой материи в производстве товаров, наряду с ролью, которую машины играют в процессе производства. Другим измерением, который должен быть определён, является средства для пресечения насилия. Монополия успеха на средства насилия находится в контексте точных границах национальных государств. Защитные устройства также позволяют создать другое измерение современности, для того, чтобы сохранить защиту граждан страны на политической арене, которые составляют четыре институциональные аспекты современности.¹

Типология модернизации выделяет две ее основных разновидности: органическую и неорганическую. Органическая модернизация свойственна тем странам, где этот процесс развивался в силу эндогенных факторов. Такой вид модернизации присущ Англии, где модернизация «была естественной, как долго вызревавший продукт развития общества»². Неорганическая или вторичная модернизация представляется как реакция на внешнее воздействие со стороны более развитых стран и осуществляется сверху со стороны правящей элиты путем заимствования чужой технологии и механизмов ее внедрения (деятельность иностранных специалистов, новое образование, в том числе получаемое за рубежом, инвестиции. Искусственная трансформация системы управления в целом, преобразования в сферах экономики и политики, а затем уже в культуре.

Согласно теории Т. Парсонса, наиболее глубокими изменениями являются те, что затрагивают систему культуры. Экономические и политические изменения, которые не меняют общества в его основе, так как не изменяют культуру, менее радикальны и не разрушают способности к самовоспроизводству, не уничтожают стабильность основных общественных структур, не прерывают их способность к адаптации, восстановлению

¹Современность и модернизм: Сборник статей о политике, культуре и социальной теории / Переводчик и редактор – Хоссейн Нозари. – Тегеран, 1378. - С.70.

²Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? - М.,1999.-С. 7.

равновесия. В данном случае система, интегрирует инновации и в целом остается неизменной. При социальных изменениях, нарушающих равновесие системы, происходит модификация социальных подсистем и их структурных элементов (социальных ролей, институтов, организаций)¹.

Все социальное развитие общества Парсонс связывает с четырьмя механизмами эволюции: первый - это дифференциация и усложнение структуры общества. второй – адаптация, третий - механизм инклюзивности (включенности) в обществе, иной, чем прежний (класс, пол, этническая принадлежность. Четвертый механизм - это обобщение ценностей. С растущей социальной дифференциацией прежние объединяющие ценности и нормы все в меньшей степени остаются приемлемыми и все более распространяются представления об универсальных (общечеловеческих) ценностях, таких как права человека, общечеловеческие идеалы и т.д. Для анализа структуры социальных систем, он предлагает применять четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли. Ценности есть представления о желаемом типе социальной системы. Нормы, интегрирующие социальные системы, имеют специальные социальные функции. Они включают элементы ценностной системы и содержат конкретные способы ориентации для необходимых функциональных действий. К числу структурных компонентов с целедостиженческой функцией относятся также коллективы»².

Российский социолог А. С. Ахиезер в своей концепции социокультурной динамики³ представляет изменения общества как постоянное движение "расколотого общества" между полюсами (и двух противоположных идеалов) - вечевое (соборного, либерального) и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол между ними обуславливает

1См.: Парсонс: Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. - М. 1996. - С. 494-526.; Парсонс Т. Система современных обществ/Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 270с.

2Парсонс Т. Система современных обществ/Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - С. 17-18.

3Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. - 804 с.

невозможность медиации, но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход между двумя крайними точками инверсии - от вечевого идеала (соборности) к авторитаризму (абсолютизму) и обратная инверсия. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный - в период развития страны и менее удачный - в период катастроф.

Во второй половине XX века получает распространение новая постмодернистская организационно-деятельностная парадигма, в рамках социальные изменения рассматриваются не как естественно-исторический, а как исторический процесс, в котором преобразующую роль выполняет "социальный актор".

В своей концепции «постиндустриального программированного общества» Ален Турен исходит из того, что существование социальной системы вообще обусловлено существованием в ней механизмов порядка, социализации, воспроизводства, социального контроля и репрессии. «Именно потому, что необходимы инструменты установления и поддержания социального порядка, историчность осуществляется только частью общества, способной освободиться от принудительных норм порядка или, чаще, использовать их для своей выгоды. Правящий класс — это особая социальная группа, берущая на себя груз историчности, особое действующее лицо, которое оказывает самое общее воздействие на функционирование и трансформацию общества»¹.

Современные же общества, по Турену, обладают способностью воздействовать на самих себя. Они подчинены всепоглощающей власти аппаратов управления, производства и распределения благ (не только материальных, но и символических), языков и информации, призыв к историчности не может более означать призыва к участию в общественной системе, а только к освобождению от нее, призыва к приложению сил, а

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. - М.: Научный мир, 1998. - С. 90.

только к дистанцированию.¹ Программированное общество переживается как общество с более высокой степенью мобилизации, чем индустриальное. В этом последнем индивиды были вовлечены в управляемые системы коллективной организации на уровне труда. Особенность постиндустриального общества состоит в том, что в нем большие централизованные аппараты управления возникают в самых разных областях социальной жизни².

В политическом плане различают либеральную и консервативную модернизацию. Либеральный тип развития модернизации обусловлен степенью вовлеченности социума в систему представительской демократии и возможностями конкуренции внутри правящей элиты. Консервативная модернизация использует высокую централизацию, политических институтов, насаждение жестких режимов правления, которые необходимы для обеспечения стабильности и контролируют процесс общественной интеграции.

Заметим, что Турен вводит в научный оборот термины «контрмодернизация» и «антимодернизация». Контрмодернизация означает альтернативный вариант модернизации по западному образцу, «антимодернизация» - открытое противодействие модернизации. Российский автор Холмогоров, продолжая А. Турена дополняет его типологию еще одним типом - сверхмодернизацией, которую он видит как попытку обогнать цивилизацию-лидера, когда основные достигнутые социокультурные образцы не только принимаются, но и превосходятся на собственном ценностном и технологическом базисе³.

В свою очередь, Гидденс при построении теории действия и действующего субъекта ключевым считает тему мотивации, которая обеспечивает членов общества концептуальными связями между рационализацией действия и рамочными конвенциями, воплощенными в его

1 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. - М.: Научный мир, 1998. - С. 8.

2 Там же. - С. 86.

3 См.: Холмогоров: <http://holmogorov.rossia.org/modern.htm>.

институтах. Как считал Гидденс, "Предметом социальных наук, в соответствии с теорией структуризации, является не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени. Социальная деятельность... является повторяющейся. Это означает, что она не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими, причем теми же самыми средствами, которыми они реализуют себя как акторы"¹.

Говоря о перспективах социологического знания и адекватности восприятия социальных изменений, П. Штомпка замечает: «...социологическая теория смешается от грандиозных исторических схем к более конкретным, локализованным во времени и пространстве социальным изменениям, которые происходят под действием известных факторов и осуществляются индивидами или коллективами. Предлагая называть новую социологическую теорию теорией «становления», он говорит, что, указанная теория обеспечивает перспективный альтернативный подход к социальным изменениям, создавая более адекватный инструментарий для объяснения перемен в современном обществе»². В релятивистском смысле Штомпка рассматривает модернизацию как «целенаправленные попытки, осуществляемые либо большинством населения, либо элитой для того, чтобы превзойти современные стандарты. Но эти стандарты могут варьировать. «Эпицентры» модернизации не закреплены в каких-то обществах раз и навсегда, напротив, они меняются»³.

Неоэволюционистские теории ведут поиск соответствия имеющихся специфических состояний обществ общим универсальным рамкам исторического прогресса.. Так, в этом направлении весьма характерной современной эпохе понимания многообразия в единообразии развития является точка зрения Маршала Салинса и Е. Сервиса о разделении общей и специфической эволюции,

1 Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.-P. 2.

2 Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер, с англ, Под ред. В.А.Ядова. - М., 1996. - С.15.

3 Там же.

изложенной в их книге «Эволюция и культура»¹. Эти авторы попытались «Общую эволюцию, которая на уровне абстракции является единым направлением в развитии человечества, рассматривать в совокупности с постоянно возникающими новыми культурными типами развития, то есть в совокупности с множественностью «специфических эволюций». При этом они отмечают рост адаптивности и системной организационной сложности новых культурных типов, адаптирующихся к специфическому окружению. эти общества обнаруживают значительные созидательные потенции, что в результате приводит к большому разнообразию культур. Однако «Общая» и «специфическая» эволюции могут вступать в противоречие. «Общество и культура могут так хорошо приспособиться к своей экологической нише, что утратят способность к инновациям, необходимым для достижения более высоких уровней технологической и социальной организации»²

Цивилизационная концепция социальных изменений (концепция множественного модерна) Шмуэля и Эйзенштадта, развивает в социологии идеи цивилизационного подхода.

Концепция Эйзенштадта демонстрирует отказ от поверхностной однолинейной модели модернизации как уподобления западному образцу, вводит в анализ различные стороны макросоциальной регуляции многомерной модели социума. «...ни институциональные формы, характерные для каждой социальной группы, ни среду, в которой происходит социальное взаимодействие, ни институциональную структуру неправомерно интерпретировать как самодостаточные объекты. Постигание таких форм невозможно, если исходить из соматических потребностей или уровней структурной дифференциации. Следует изучить условия и процессы, в которых они возникают, функционируют, воспроизводятся и изменяются»³.

1 Sahlins, Marshall and Service F. (eds). Evolution and Culture. 1960. University of Michigan Press.

2 Smith, Anthony D. 1976. Social Change: Social Theory and Historical Process. London: Longman. - P. 47.

3 Shmuel N. Eisenstadt. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // International Social Science Journal, August 1992, v.44, no.133 (Historical Sociology: Debate on Methods. - P. 386-401. © UNESCO, 1992. - P. 386-387.

Институциональный подход, трансформируясь под влиянием очевидности торжества нелинейного восприятия социального развития, выявляет значительную роль институциональной структуры социума ина его социальное развитие и способность к изменениям. Дуглас Норт в своей работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», выявляя способность общества к сохранению основной траектории социальных изменений за счет присущей ему институциональной структуры, подчеркивает, что «... Институты, наряду со стандартными ограничениями, описываемыми экономической теорией, формируют возможности, которыми располагают члены общества... Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь»¹. В рамках данной концепции предполагается, что революция является следствием того, что общество не реформирует себя сознательно, и если нет институционального соответствия между основными сферами общества или внутри одной из них, это может привести к гибели общественного организма, его распаду, либо к капитуляции перед внешними условиями².

Современный российский исследователь Кирдина С.Г. в своей концепции институциональных матриц также раскрывает приоритетное значение процесса структурирования через институционализацию³. Институциональная матрица по Кирдиной – это устойчивый, исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии⁴.

Существует интеграция трех столпов ключевой антиэссенциалистского неприятия современной социальной науки: противоборство с экстремизмом, недоверие современным социальным наукам, недоверие повествованиям,

¹Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. URL:<http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310>.

² Там же.

³ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М., 2000. – 468с.

⁴Кирдина С. Г. Об институциональных предпосылках создания некоторых институциональных теорий в рамках Новосибирской экономико-социологической школы.//Социально-политические науки. – 2013. - №3. – С.51-55.

что ставит постмодернистскую позицию совсем в другом ракурсе, чем современная точка зрения.

С учетом отмеченных выше трех столпов, постмодернизм можно охарактеризовать в рамках постпозитивизма, который во второй половине XX века стал предметом признания постмодернистских ученых, феминистов, историков – социологов и правоведов. Этот фактор является общим для всех школьных коэффициентов с помощью рационального отношения и авторов. Появление текста, слоев и сложности потока игнорируется. Внимание к способам и убеждениям позитивистского постмодернизма раскрывает произведение постмодернизма.¹

Примечательно, что Уруник Ховуд также в статье под названием «Новое снижение» (The decline of the new) использует слово постмодерн в отрицательном значении, и его трактует как идеологию расточительного общества постискусства.

Стоит напомнить, что Жан Будре также считает общество постмодерна как общество моделирования. С его точки зрения моделирование в обществе постмодерна имеет такое положение, которое имело период производства промышленного этапа модерна.

В этой связи, современный французский социолог Ж. Липутски отмечает: «Общество постмодерн означает увеличение бедности и однообразия. В таком обществе никакая идеология не способна радовать массы».²

Поэтому общество постмодерна, с точки зрения таких социологов, как Будре и Липутски, находится в полнейшем разделении между общественным пространством и частным пространством.

Как известно, постмодернистское мышление подытоживается в шести принципах, каждый из которых определенным образом является определителем концептуальных тенденции мысли и практики:

1Насири Г. Постмодернизм и стратегические исследования: методологические последствия. Журнал «Бахар». - № 9. - Тегеран, 2006. - С. 12-13.

2 Джаханбеглу Р. Модернизм, демократия и интеллектуалы. – Тегеран, 1995. - С.66

1. Релятивизм, и неопределенности знаний.
2. Окончательная апелляция исторического фатализма.
3. Роспуск социального субъективизма и приватизация политики.
4. Концепция современного культурного мира и важность идеи культурной идентичности.
5. Кризис окружающей среды, развития коммуникационных устройств и распространенность экономической стратегии.
6. Полная ликвидация субъективизма, критика теории Ницше.¹

Общеизвестно, что термины модернизм и постмодернизм посредством больших дискуссий была введена в социологию в 1980 г. учеными Пермас и Фуко. Этот термин в конце 1970 г. использовался во Франции в социологию и был поддержан со стороны Кристофа и Лютера и повторно начал использоваться в рамках постиндустрии (postindustrial). Постмодернизм критично относится к трактовке таких категорий как наука, религия, философия, гуманизм, социализм, женская свобода, идею исторического развития.²

Социология должна отойти от своей традиционной идентичности. Стратегическая задача социологии это адаптация к новой ситуации. В частности, социология должна прервать свою связь с модернизмом в вопросах познания знания, и превратится в социологию постмодернизма. Социология должна освободить свою традиционную свободу. Стратегическая задача социологии заключается в адаптации к новым условиям. Особенно социология должна последовать многим элементам культуры постмодернизма и воспринимать свою связь в производстве смыслообразования – в теории и практике.³

Таким образом, эволюция подходов к изучению социальных изменений доказывает движение от теорий линейного поступательного развития

¹Эскотлес. Социология постмодернизма. – Тегеран, 2004. - С.72.

²Ричард Джордж. Социологическая теория. - Тегеран, 1994. - С. 74.

³Зигмунд Бауман. Советы постмодернизма. - Тегеран, 2005. - С. 78.

социального процесса, сводящих направленность социальных изменений в русле универсального целенаправленного социального развития общества как стадийного, детерминированного универсальными факторами (экономика, индустриальное (постиндустриальное) развитие, технологическое состояние), а также специфическими факторами в виде институциональной системы и особенностей культуры. Все это, в совокупности, предполагает рассмотрения проблемы модернизации традиционных обществ в её теоретико-методологическом аспекте.

1.2. Типы и детерминанты процесса социальных изменений и модернизации традиционных обществ в современных условиях

Совершенно очевидно, что модернизация современных традиционных обществ, и происходящие в них социальные изменения, особенно в контексте глобальных политических и миграционных сдвигов в мусульманских странах и в мире в целом, в течение последнего десятилетия стала не только теоретической проблемой, но и приобрела широкое цивилизационное значение. Она также постепенно становится сугубо практической, в силу следующих причин:

- во-первых, как проблема выживания и сохранения цивилизационной идентичности в условиях миграции значительных масс населения в иноцивилизационный ареал;
- во-вторых, как факт сохранения стержня репродукции социальных структур в восточных обществах, живущих в условиях военного конфликта;
- в-третьих, как вопрос выживания и сохранения репродуктивной способности социальных структур в традиционных обществах в атмосфере жесткого политического давления со стороны мировых держав и в условиях общей международной напряженности.

Несомненно, для традиционных обществ, независимо от ориентации их элит, очевидностью стала проблема бесперспективности либеральной модели

модернизации в условиях миграции значительной части населения социумов, в связи с ведением боевых действий на их территории. Даже в условиях вынужденного проживания в иноцивилизационной среде, семьи или микросообщества, вышедшие из такого типа обществ, продолжают являться устойчивыми носителями традиционного социального устройства, культурной памяти народа, с воспроизводящей себя органической почвой социальной жизни.

Характерно, что вслед за этим процессом развивается стремление по поводу необходимости современных элит и политических администраций в сторону консервативно-патриотической идеологии. В складывающихся условиях глобализации политической и социальной жизни новую актуальность получают вопросы модернизации и развития самостоятельного независимого государства, а также поиск новых социальных и политических механизмов, способных не только удерживать страны от распада, но и использовать энергию традиционных обществ для форсирования модернизационных процессов.

Вместе с тем, цивилизованность стала глобальным явлением, и это выступает одной из самых основных черт современных институтов, коренному переосмыслению традиционного модернизма. По мнению ведущих восточных исследователей, ответ на вопрос - такое глобализация, прежде всего, порождает такое суждение: глобализация это мир общественных отношений. Отношения, которые связывают события, которые находятся на большом расстоянии друг от друга и, что каждое научное событие находится под влиянием других событий и наоборот.¹

По сути, глобализация вынуждает западные страны в отношении модернизма занимать относительно твердую релятивистскую позицию. Представляется, что существует много способов для достижения оптимального варианта модернизма конкретных социумов, и путь, которым прошел Запад, не является единственным.

¹Гидденс А.. Последствие модернизма. - Тегеран, 1998. - С. 76.

Стоит отметить, что труды западноевропейского критика модернизма, Корнелиуса Касториадиса, имея большое значение, оказывают общее воздействие на современную политическую мысль. Работы, речи, а также публикация второго тома его сочинений подтверждают этот факт. Некоторые рассуждения Касториадиса в области психологии, философии, политики и экономики, в определенной степени, являются дискуссионными¹. Например, по его мнению, история - это продукт человечества и любая другая детерминационная интерпретация истории, которая видит причину ее существования в сверхъестественном факторе, демонстрирует политику модернизма как идентичный первоэлемент природы, и на Западе, и на Востоке. Распространенные бюрократические порядки, как жесткие, так и мягкие, указывают на статус членов правления добровольного рабства.²

Российский автор В. Рукавишников очень верно характеризует человека, как продукта глобализации: «Для теоретиков модернизации «человек современный (modern man)» - это, по сути дела, не кто иной, как представитель западной культуры – независимо мыслящий, и социально, и политически активный индивидуалист, самостоятельно добивающийся успеха в жизни («self-made man») и признающий право других действовать подобным же образом, соревнуясь с ними за место на вершине дохода и власти»³. Он считает, что традиционные общества не могут выжить при таком варианте общественной атомизации, где социальная консолидация предполагает абсолютно прагматическую направленность, а система демократического управления является следствием и продуктом процесса сдерживания центробежных тенденций внутри социума. Недаром внедрение системы демократических институтов в традиционных обществах как

1 Современность и модернизм. Сб. статей. – Тегеран, 1999. - С. 117.

2 Современность и модернизм. Сб. статей. Тегеран, Издание «Роль мира», 1999. - С. 119.

3 Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс. - №1, 1995. - С. 35.

изначальное стартовое условие перехода к модернизму не срабатывает и дает сбой в случае его искусственного и обязательного насаждения.

Не случайно в этом контексте и замечание российского исследователя Сугрей, Л. А. о контексте модернизационных преобразований в России: «Не вызывает сомнений тот факт, что механическое перенесение опыта политико-экономических изменений стран западной демократии на российскую почву, еще не гарантирует демократических изменений в России. Причиной тому выступает и историческое своеобразие, и высокая специфичность, неоднородность, этническая и культурная полиморфность российского национального самосознания»¹.

Исследование процесса глобализации выделяет такие типы модернизации, как вестернизация без модернизации и модернизация без вестернизации (Египет, Филиппины), где модернизация осуществляется на основе национальных культурных ценностей (Япония и другие новые индустриальные страны).

В настоящее время в науке понятие модернизации применяется как аналог инновационного развития, а также как переход от традиционного общества к современному (индустриальному). Такие составляющие процесса модернизации, как индустриализация, рыночная экономика, гражданское общество, демократия, правовое государство, рационализм и либерализм являются детерминантами и индикаторами современного общества в идеале.

Вместе с тем, отклонения от классического варианта модернизации, на практике оказались довольно существенными, и со временем теория классической модернизации подвергается модификации. Это стало необходимым, так как классическая модель модернизации не могла объяснить отклонений от теоретического идеала, в том числе хода модернизации в традиционных обществах.

¹ Сугрей, Л. А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа. Дисс докт филос. наук. - Ставрополь, 2003. С. 4-5.

Как известно, С. Хантингтон выделяет три модифицированных модели (проекта) модернизации. Это «вестернизация без модернизации», «модернизация без вестернизации» и «догоняющее развитие». Им также были разработаны теории неорганической модернизации, органической модернизации, вторичной модернизации, догоняющей модернизации, эшелонов модернизации и др.¹

Критика различных вариантов модернизации свидетельствует о том, что механическое воспроизведение опыта развитых государств невозможно повсеместно. В степени внедрения модернизационного процесса главную роль играет внутренний потенциал модернизирующегося общества. Так, успешный опыт модернизации Японии и «новых индустриальных стран», содействовали закреплению тезиса о «модернизации без вестернизации».

Но, как свидетельствуют исследования разных авторов, готовность воспринимать глобализующий контекст модернизации во многом определяется социальными традициями. Например, еще в начале 1990-х годов В. Хорос утверждает, что «модернизация, развитие могут успешно осуществляться лишь на почве собственных национальных традиций»².

Развитие глобализационного процесса и мегатенденции современного мира обнаружили, что на самом деле развивающееся общество не стремится двигаться к гомогенности и соответственно социально структурироваться на основе заимствования новых ценностей и институтов. Оно представляет собой гетерогенную структуру, сочетающую эндогенные и заимствованные социальные структуры и ценности. «Успех модернизации, - утверждает Ермаханова, - зависит, таким образом, не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, а от формирования структурированного синтеза смыслов, ценностей, норм и институтов, в котором возможно

¹Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения. - №8, 1991. - С. 70-79.

²Там же.

конструктивное взаимодействие традиционных и современных, эндогенных и заимствуемых ценностей»¹.

Модернизация по типу вестернизации – это принятие ценностей, институтов и культурных моделей «современности», свойственных западноевропейскому опыту развития, стремление полностью следовать образцам западных лидеров в значимых для неё характеристиках. При этом могут сохраняться значительная культурная вариативность и многочисленные традиционные элементы.

Один из исследователей роли исламских традиций в современной России считает, что политическая модернизация исламских социумов необходима как первостепенная задача для их адаптации в современном мире: «Современные массовые миграционные процессы усиливают гетерогенность мира. Так называемый исламский фактор все более весомо заявляет о себе как в международной политике, так и во внутренней политике западных государств, где растет численность мусульманской общины. Достаточно вспомнить события, связанные с публикацией в датской газете карикатуры на пророка Мухаммеда, волнения во Франции при принятии закона о светскости и т.п. В связи с этим важно понять основные детерминанты характера, содержания и направленности развития мусульманской общины, как органичной части социума»².

Более того, очень известный лидер исламского мира Махатхир Мохаммад также считает модернизацию необходимым условием развития современного мира: «...Все люди, независимо от цвета кожи и религии, обладают способностями и возможностями для преуспевания. В чем люди действительно нуждаются, так это в изменении направления развития, хорошо продуманной реформации их культуры, этики, ценностей, в

1Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность/Ермаханова С. А. «Теория модернизации: история и современность» Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. - Новосибирск, 2005. – URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles.

2Ряжапов Н.Х. Ислам в общественно-политической жизни современной России. Дисс. ...канд. филос. наук. - М., 2005. - С. 3-4.

конечном итоге, в придании дополнительного стимула развитию омоложенной цивилизации»¹.

Неоспоримый факт, что на протяжении XX века теоретической основой программы модернизации виделась вестернизация, как поэтапное движение «догоняющего развития». При этом считалось, что, в первую очередь, показателем и индикатором модернизации развивающихся обществ являются изменения, приближающие к показателям западных стандартов в экономической сфере (например, уровня материального дохода на душу населения), которое затем вызовет позитивные изменения в социокультурной подсистеме общества.

Согласно существующим мнениям в науке, вестернизация – это такой тип модернизации, при котором традиционные общества вбираются в орбиту западной цивилизации. При этом модернизационные изменения осуществляются в интересах западного мира, взявшего на себя роль «центра», а поэтому выборочно.

Например, современный киргизский исследователь следующим образом характеризует процесс вестернизации в суверенном Кыргызстане конца XX века, что является типичной для многих не западных государств: «Осовременивание» небольших островков (анклавов) промышленности, сельского хозяйства, повседневной жизни происходит на фоне архаизации большей части общества, сопровождающейся культурным кризисом... Изменения, происходящие в Кыргызстане с рубежа 1980 — 1990-х гг. до настоящего времени, являются классическим примером вестернизации. Встав на путь осуществления данного типа модернизации, Кыргызстан оказался отброшен назад по всем показателям развития общества. Вестернизация сопровождается внедрением чуждых западных политических институтов, деиндустриализацией, падением уровня жизни населения, зависимостью от

¹Махатхир Мохамад. Путь вперед // www.lib.ru/РОЫТОШО/mahathir.txt.

международных финансовых институтов, скачком имущественного расслоения, духовным упадком»¹.

Лозунг самобытного развития получил распространение во многих странах. При этом аргументация базируется на тезисе об органичности развития на основе традиций в противовес «экспериментам по социальной, экономической и политической трансплантации».

Вместе с тем, такие теоретики, как видный представитель современного институционализма, известный американский экономист, социолог, профессор Новой школы социальных исследований Нью-Йорка Роберт Хейлбронер². и Г. Маркузе³ высказали идею о «негативной конвергенции», согласно которой цивилизации и разные социальные системы более усваивают друг у друга отрицательные элементы, что в целом ведет к системному кризису. Они обосновано отмечают, что: «В настоящее время большинство исследователей отмечают, что модернизация в виде вестернизации без опоры на национальные традиции признается неполной, рискованной, фрагментированной, характеризуется как тормоз социокультурного развития»⁴.

Относительно самобытному развитию в эпоху глобализации восточных традиционных обществ, нельзя не согласиться с таким определением, что: «Самобытное развитие являет собой альтернативный вестернизации тип модернизации традиционных обществ, характеризующийся развитием на собственной культурной почве, без отрицания культурного опыта и цивилизационной идентичности страны. В условиях глобализации самобытное развитие является единственной возможностью защиты от западной экспансии (во всех ее проявлениях) без губительной консервации общества»⁵.

1 Кожемякин С.В. Особенности модернизации традиционных обществ в условиях глобализации. Дисс... канд. полит. наук. - Бишкек, 2009. - С. 9.

2 Heilbroner Robert. The Limits of American Capitalism, Harper & Row, 1966

3 Маркузе Г. Критическая теория общества. - М.: АСТ, Астрель, 2011.

4 Ким О. В. Теория вестернизации. URL: <http://ponjatija.ru/node/9041>

5 Там же.

Нельзя не заметить тот факт, что в современном мире имеются примеры политической и социальной практики государств, например, в Восточной Азии (Китай, Япония и др.), которые к настоящему времени превратились в реальный противовес западной цивилизации. Однако в чистом виде модели самобытного развития сложно выявить, скорее можно говорить о перспективах смешанных типов модернизации, сочетающих черты самобытного развития и вестернизации. Характерные черты данного типа, например, представляют собой некоторые республики Центральной Азии (в особенности, Узбекистан). В связи с продолжающимся процессом формирования цивилизационной идентичности чрезвычайно важным является выбор той или иной модели самобытного развития, которым будут следовать страны данного региона.

Логически основное содержание моделей самобытного развития соединяет традиционный базис и прогресс, получаемый в ходе модернизационного процесса, стержень самобытности сохраняет основу системы культурных ценностей и интегрирует на их основе новейшие достижения человеческого прогресса. Это помогает оптимальным образом реагировать на вызовы современности, сохранять независимость во всех сферах функционирования общества, а также культурную идентичность. Самобытное развитие означает достижение целей модернизации такими креативными инструментами и механизмами, которые будут синтезировать традиции и инновации, осуществлять преобразования будут на основе учета культурных особенностей конкретного общества.

Нынешняя политическая и социальная практика различных государств показывает, что проекты модернизации оказались, как правило, незавершенными в классическом понимании, особенно это очевидно проявилось в отношении традиционных обществ. А это, в свою очередь, способствовало возникновению различных теорий частичной модернизации, которые сводили модернизацию, например, к индустриализации или политической модернизации.

На этой основе в научной среде появились призывы к преодолению синдрома без альтернативности, а процесс модернизации, которого прошла Западная Европа, перестал признаваться универсальным, что, в свою очередь, поставило вопрос о его уникальности, варианте, наиболее адекватно воплотившем синхронный ход индустриального и социального развития. Обоснование сказанному может служить мнение С. Эйзенштадта что в условиях глобализации Запад не может быть универсальным образцом общественного развития, а каждое общество вправе самостоятельно решать, какую модель модернизации выбрать¹.

Критики «догоняющей модернизации» имеют достаточно оснований считать, что такая модернизационная модель, ломая традиции, отнимает у общества духовную перспективу, делая нормой жизни общества мелкий бизнес, в который вовлекаются огромные массы людей. В таких условиях высока опасность радикализации, в которой используются, в том числе, религиозные ориентиры в отсутствие другой большой идеи.

В Федотова считает, что «Глобализация как новый тип социальной трансформации оборачивается противоположностью модернизации, ибо догонять и имитировать в ее условиях - значит обрекать себя на прогрессирующее отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным.

Достойным образом интегрировать страну в глобальную экономическую систему «догоняющая» модернизация неспособна»².

Современное признание национальных проектов модернизации, независимо от их особенностей, сходится на том, что в современных условиях глобализации любое модернизирующееся общество нуждается в определенной степени усвоения западного опыта для более успешного модернизационного процесса. По мнению С. Хантингтона, надо в начале пройти какой-то уровень вестернизации и, лишь, потом перейти к

¹Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. Winter 2000. Vol. 29, - № 1. - P. 3-29.

²Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984>

собственной модели развития¹. Такая модель развития и получила название национальной модели модернизации.

Как считает российский социолог В.Г.Федотова, надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти к тому, что можно назвать национальной моделью модернизации, - к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами. «Национальная модель» в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности - национального государства. Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации, возникающих на современном этапе развития. Обе - крайние позиции: «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть исключительно самобытным» - представляются неверными... Россия усвоила многие из отдельных нужных ей элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.п. и еще нуждается в освоении ряда западных достижений. Но она не станет Западом, у нее свои особенности и свои задачи»².

Кроме того, западный мир сам все время претерпевает изменения, и проблема демократии также может со временем меняться.

Если классическая теория модернизации рассматривала Запад как единственный образец успешной модернизации, то опыт практики модернизационного процесса в различных странах показал обратное и признание права на существование множества «модернизмов» и национальных модернизаций отрицает единый ее образец.

Таким образом, в плане типологии модернизации перед социальной философией встает вопрос о необходимости рассмотрения ее проблемы не только в контексте глобализации, но и противоположной ей тенденции

1Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. - N. Y., 1996. - P. 75.

2Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984>.

локализации. В этом контексте модернизация видится не как следование образцам развития, а как следование в русле открытого инновационного процесса, в ходе которого национальные государства в ответ на вызовы времени, на основе инноваций, адекватно решают свои проблемы

В этом плане нельзя не согласиться с мнением, что: «Сегодня вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, уже не является дискуссионным. Множатся новые капитализмы в Азии, использующие экономический механизм Запада без рекультивации. Раньше капитализм перемалывал культуры, теперь культуры перемалывают капитализм. Возникают автохтонные капитализмы - российский, южнокорейский, - используется экономическая машина капитализма в коммунистическом по своей идеологической оболочке Китае. Возникает новое «Новое время» с подъемом национальных капитализмов, и Запад становится лишь одним из них»¹.

Несомненно, глобализация на современном этапе существования традиционных обществ, ставит их перед дилеммой – включиться в глобализационный процесс, модернизируя ускоренным темпом не только экономику, но и базовые основания культуры, или включиться в процесс локализации и давления консерватизма. Оба эти пути в чистом виде являются чреватými и даже тупиковыми.

Первый путь – это следование в формате глобализации, предполагающем отказ от многообразия цивилизационных идентичностей и межкультурного диалога.

Второй, связанный с национальным консерватизмом, содержит в себе угрозу самоизоляции и локализации культур. Цивилизационная идентичность при этом сохраняется, однако изолирующаяся культура вряд ли может длительно противостоять глобализирующемуся миру.

¹Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984>.

В связи с этим, В.Э.Багдасарян закономерно предлагает, альтернативный данным крайностям, путь синергийного традиционализма: «Актуальным в этой связи представляется выдвижение такого проекта, который, нивелируя крайности обоих указанных подходов, смог бы синтезировать концепты цивилизационных идентичностей и мировой интеграции. От коммуникативного монологизма следует перейти даже не к диалогу, подразумевающему дуальный характер взаимодействия, а к полилогу культур. Для спасения цивилизаций необходимо выдвижение альтернативного по отношению к глобализации и сопоставимого по масштабам мега-проекта. Должна быть найдена основа альтерглобализационного единства мира. Постановка такого рода задачи заставляет с самым пристальным вниманием отнестись к генезису нового идейного направления в мировой общественной мысли - синергейному традиционализму¹».

Такой подход указывает на то, что среди исследователей-обществоведов уже созрело мнение, что, во-первых, традиционализм и консерватизм не есть суть одно и то же. Центральным для традиционализма и консерватизма является традиция, однако, консерватизм замыкает идентификационное поле рамками с одним центром, традиционализм же, как общее понятие предполагает полицентричность и цивилизационную вариативность, тогда как другие направления пропагандируют приоритет одной из цивилизаций над всеми прочими. Вышеназванный российский исследователь, используя указание на синергичность традиционализма, приравнивает его к модернизму: «Принципы традиционализма не есть аналог традиционности. Прилагательное «синергийный» подчеркивает отличие нового традиционализма от традиционализма архаического, дорефлекторного. В отличие от последнего, он ориентирован не на консервацию, а на развитие»².

¹Багдасарян В.Э. Традиционализм и модернизм: проблема синергийного моделирования // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Вып. № 5 (14). - М.: Научный эксперт, 2008. - С. 8-139 .

² Там же.

Следует учесть, что идеология консерватизма моноцентрична и ведет к партикулярности. Используемая как знамя противостояния нации глобализационным процессам, она приводит вместо борьбы с новыми вызовами глобализации, которые являются угрозой всем, особенно в контексте формирования нового глобального мирового порядка, который в социальном плане дифференцирует страны на «центр» и «периферию»¹, к политической и социальной дифференциации и антагонизмам внутри обществ. Так, например, в западных обществах консерваторы ведут войну с законсервированными внутри себя (т. е. консервативными) иноэтничными цивилизационными анклавами. Различают конфессиональные, этнические, геополитические варианты консервативного моноцентризма.

Традиционализм в его варианте синергии прогрессивной провозглашает полиэтничность. В условиях полиэтничности современных государств моноцентризм, конфессиональный или этнический, порождает неизбежно центробежные устремления, вплоть до распада социальной целостности.

Вполне характерно, что Ахиезер А.С. вызовы среды развития, различных по типу обществ, считает энтропийными процессами. Термин «энтропия», заимствованный из физики, в данном случае означает хаотичное и не содействующее адекватному жизнедеятельности структурированию, а также, непременно, отсутствие целеполагания и возможностей воспроизводства. «Субъект сохраняет свою жизнедеятельность – отмечает он, - вопреки энтропийным процессам благодаря своей воспроизводственной способности. Воспроизводство - всегда функция какого-либо субъекта. Субъектом в социологических исследованиях, в отличие от философских, выступает некоторое организованное сообщество - носитель воспроизводственных функций. В качестве может выступить общество в целом, малая группа, партия и т.д. Основу каждого такого сообщества составляет личность, в той или иной форме и степени осознающая себя именно через данное сообщество - через сообщество как целое,

¹ Достаточно обратиться к «Мир-системе» Валлерстайна. См.: Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // I. Wallerstein. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc. - Paris, 1979. - P. 153-155.

возможно, даже ощущающая себя этим целым. Субъект-сообщество - всегда носитель определенной субкультуры, а существующие типы воспроизводства, в основе своей, связаны со специфическим менталитетом. Поэтому в основу типологии форм воспроизводства может быть положено отношение субъекта, фиксированное в его субкультуре, к конечному эффекту воспроизводства, к его эффективности, чем фактически определяется сам характер воспроизводства»¹.

Заслуживает внимания утверждение Линник Е.В., определяющая модернизацию как глобальный процесс, содержание которого является последовательностью системных социальных изменений, выражающихся в его объеме - совокупности социальных объектов, изменяющих свои структурные параметры, функции и уровни организации, выделяет две его составляющие, по существу являющиеся фазами: инвентивную и инновационную. При этом она говорит о модернизационном процессе как об общем понятии, считая его однозначно прогрессивным для любого социума: «Модернизация - глобальный процесс. Зародившись в Западной Европе, она приобретает всеобщий характер. Модернизация - прогрессивный процесс, предполагающий кардинальный характер изменений, радикальную смену всех социальных институтов, систем, структур общества и стиля человеческой жизни. Модернизация - процесс социального развития, включающий в себя две составляющие: инвентивный процесс (от лат. Inventio - открытие), т.е. процесс открытий и изобретений и инновативный процесс (от лат. Innovatio - нововведение), т.е. процесс инновационного внедрения открытий и новых социальных технологий»².

В целом, нам импонирует такое рассуждение в научном плане, так как в нем речь идёт об универсальности модернизационного процесса, хотя оно вызывало немало критики как безапелляционный тезис («Интернациональный характер модернизации позволяет определить её

1Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования.URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>.

2Линник Е.В. Модернизация общества как фактор глобализации: Сравнительный анализ и типологизация. Автореф. дис... кандидата философских наук. - Ростов-на-Дону, 2005. - С.11-12.

как фактор глобализации»¹). Такой подход предполагает достаточно емкое содержание приоритетных направлений для определения модернизации как закономерное общественное явление.

Несмотря на то, что направления в качестве содержательных характеристик в русле развития теории модернизации изучены уже практически достаточно полно, однако в их содержание вышеназванный исследователь включает глобализационные индикаторы и предлагает определять модернизацию:

- по способу бытия (модернизация как совокупность процессов индустриализации, секуляризации, урбанизации, представительной политической власти, усиление социальной мобильности, движение к «современному открытому обществу»);

- по содержанию (модернизация как процесс, повышающий уровень структурной организации социума за счет количественного роста позитивных социальных изменений и ассимиляции достижений других стран, в том числе конкурентоспособность экономики; политическая стабильность и развитие инноваций).

- по генезису (вариант осовременивающего развития).

Кроме того, данный автор одним из индикационных направлений определяет направление «назначения» (целеполагания или изначальной причинности модернизации как явления): «модернизация предполагает восстановление самосознания; стремление избавиться от чувства ущербности и комплекса неполноценности; осознание своей миссии»². Субстанцией универсальности (у него – это интернационализация) предлагается понимать единство всеобщего и национально-особенного. Таким образом, провозглашая также как и другие социологи - синергический подход, Е.В. Линник, несомненно, распространяет универсальный характер системы индикаторов модернизационного процесса на все общества, предполагая

¹Линник Е.В. Модернизация общества как фактор глобализации: Сравнительный анализ и типологизация. Автореф. дис... кандидата философских наук. - Ростов-на-Дону, 2005. - С.11-12.

²Там же.

синхронность модернизационного движения и развитие «национально-особенного».

Стоит напомнить, что американский исследователь А. Инкелес, анализируя проблему «современного человека» в контексте процесса социальных изменений и модернизации традиционных обществ на основе материалов Нигерии, Индии, Пакистана, Чили, Аргентины, Израиля, сформировал инвариантную модель «современного человека» с определенным набором характерных черт. А именно таких, как:

- 1) Открытость к экспериментированию.
- 2) Расширение независимости от авторитетов.
- 3) Вера в науку.
- 4) Мобильность (профессиональная)
- 5) Использование долгосрочного планирования.

6) Активность в сфере публичной политической жизни. Современный человек по своей воле выбирает ассоциации и принимает участие в жизни местного сообщества»¹. Это качества, которые присущи в целом любой автономной индивидуализированной современной личности.

На основе такого подхода можно сделать вывод, что, если модернизация – сопутствующее условие глобализации, то унифицированная модель современного человека (а при современных социальных, экономических и коммуникативных параметрах жизни – вышеперечисленные индикаторы в разном объеме присущи любому обществу, в том числе и традиционному) является показателем все большей потребности в сближении универсальной и национальной моделей модернизации.

Вне всякого сомнения, как показывает практика традиционных обществ, самым консервативным звеном в модернизационном процессе выступает религиозное пространство. Но и оно при всех конфессиональных особенностях обнаруживает потребности и тенденции модернизации. В этом

Inkeles A. Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. - New York: Basic Books, 1973. - P. 342-361.

плане совершенно обосновано, что «Совмещение ценностей религиозных с ценностями современного общества возможно, при этом роль, статус, функции религии изменяются, модернизируются, как и другие социальные институты. Законсервированные формы традиционных конфессий не могут удовлетворить всю палитру духовных запросов современного общества. Религия становится более индивидуальной, приспосабливается к новой социокультурной ситуации. Одна из ценностей постиндустриального общества – толерантное отношение к другим религиозным традициям и нетрадиционной религиозности. Этому способствуют знания, высокий культурный уровень людей, признание свободы мысли, открытость современного общества, позволяющие видеть не только различия в плюралистическом мире, но и единство в многообразии. Очевидно, что только при условии приверженности подобным ценностям есть шанс достичь согласия не только между индивидуумами, различными слоями общества, но и между государствами, цивилизациями. Опыт модернизации некоторых стран показывает нам, что в переходных обществах возможно сосуществование двух социокультурных систем»¹.

Небезынтересно в плане научного осмысления проблемы утверждение Р. Инглхарта, который полагает, что в современном мире происходит духовная революция.² Несмотря на повсеместные тенденции секуляризации в разном объеме в неодинаковых социумах, он отмечает также повсеместное расширение роста «духовности».

Более того, «Совмещение ценностей религиозных с ценностями современного общества возможно, при этом роль, статус, функции религии изменяются, модернизируются, как и другие социальные институты. Законсервированные формы традиционных конфессий не могут удовлетворить всю палитру духовных запросов современного общества.

¹Бальчиндоржиева Оюна Баировна. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ. Дисс докт филос. наук. - Улан-Удэ, 2015. - С. 280.

²Религия и модернизация совместимы [Электронный ресурс] // Наименование ресурса: Русский журнал. Режим доступа: - <http://www.russ.ru/Mirovayapovestka/Religiya-i-modernizaciya-sovmestimy> (Дата обращения 17.08.2014).

Религия становится более индивидуальной, приспосабливается к новой социокультурной ситуации... Опыт модернизации некоторых стран показывает нам, что в переходных обществах возможно сосуществование двух социокультурных систем».¹

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать обобщающий вывод, что в условиях глобализации наиболее адекватной оптимальной моделью развития традиционных обществ Востока (особенно для Ирана и Афганистана) является интегративная модель модернизации, сочетающая элементы национально-особенного и общечеловеческого. Хотя традиционным обществам свойственен откат в сторону консервативного отношения к традициям и даже отторжения восприятия модернизации как универсального явления в целом, внедрение инновационных моментов духовной культуры и производственных технологий неизбежно влечет системные сдвиги в развитии социального пространства. Чтобы обосновать оптимальность названной нами выше модели, необходимо рассмотреть состояние и перспективы процесса социальных изменений и модернизации в современных традиционных иранских и афганских обществах

¹Бальчиндоржиева Оюна Баировна. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ.

Дисс... докт филос. наук. - Улан-Удэ, 2015. - С. 280.

ГЛАВА II. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ ИРАНА И АФГАНИСТАНА

2.1. Особенности процесса модернизации и социальных изменений в традиционном иранском обществе

Необходимо заметить, что на Востоке процесс модернизации почти у всех стран имеет общие черты, хотя социальные изменения в каждом из них происходили по-своему и дали свои результаты. Но при этом западный уровень материального производства и научных знаний остается для Востока критерием современного развития. В разных восточных странах проходили проверку, как западные модели рыночной экономики, так и социалистические плановые, по образцу бывшего Советского Союза. На этой основе идеология и философия традиционных обществ испытывали соответствующие воздействия, и вырисовывалась такая картина, что «современное» (модерн) не только может сосуществовать с «традиционным», образуя с ним синтезированные, смешанные формы, но и противостоит ему.

Последнее подтверждается тем, что одна из особенностей общественного сознания на Востоке заключается в мощном влиянии религий, религиозно-философских доктрин, традиций как выражения социальной инертности. Разумеется, как показывает социальный опыт, выработка современных взглядов происходит при противоборстве традиционного, обращенного в прошлое шаблона жизни и мысли - с одной стороны, и современного, ориентированного на будущее, отмеченного научным рационализмом - с другой.

Историческая практика современных восточных обществ, частности Ирана, свидетельствует о том, что традиции в них нередко выступают как в качестве механизма, способствующего восприятию элементов современности, так и в качестве тормоза, блокирующего преобразование. Наверное, по этой причине многие исследователи правящую элиту традиционных восточных обществ в социально-политическом отношении делят, соответственно, на «модернизаторов» и «консерваторов».

Естественно, исходя из сущности своей мировоззренческой платформы, «модернизаторы» стремятся примирить науку и религиозную веру, социальные идеалы и морально-этические предписания религиозных доктрин с действительностью через освящение научного знания священными текстами и канонами. Они также нередко призывают к преодолению антагонизма между религиями и допускают возможность их сотрудничества. В этом плане в качестве классического примера можно назвать такие страны, как Китай, Япония и Южная Корея, сумевшие приспособить традиции к современности, материальными ценностями и институтами западной цивилизации

Относительно предмета нашего анализа – Иран, можно уверенно утверждать, что он находится в переходном периоде, от традиционного общества к современному. Позволительно предположить, что по этой причине в этой стране переходный период является динамичным и анимированным. Противоборство традиции и модернизма здесь всегда существовало, поскольку Иран, как и другие сообщества в Среднем Востоке, с одной стороны является традиционной религиозной страной, а с другой стороны стремится не отставать от современности, и не оказаться за пределами модерна.

Поэтому, на наш взгляд, изучение истории формирования модернистских направлений в иранском обществе и их противоборство с традиционными процессами будет способствовать перспективе социальных изменений данного самобытного социума.

Очевидный исторический факт, что в Иране Мохаммад Али Шах в конце 30-х годов прошлого века остановил начало революции, и стал популярным как основатель периода, известного под названием «конституционный». Видный иранский исследователь Мухаммад Солор Касрои, анализируя события тех времен в Иране, отмечает, что в тот период в стране появляется новый слой интеллектуалов, которые живя в рамках прошлых законов, были готовы к новому восприятию жизни.¹ Представители этого пласта смотрели на будущее слишком односторонне, со всей строгостью и без малейшего сомнения говорили о необходимости проведения социальных реформ. Хотя такой подход напоминал попытку их предков, и было прошлое, однако сегодня в интеллектуальном он аспекте изменился до такой степени, что содействует адекватному анализу прошедших событий, имеет определенной пользы для современного иранского общества. Несомненно, противопоставление традиции и современности является результатом подобного подхода.

Данное исследование, по сути, обобщает недавнюю историю формирования модернистских взглядов в Иране. На этой основе делается вывод: модернизм и модернисты в течение более века, после развала реформ Аббос Мирза и до падения режима Реза шаха, довели иранское общество до такого состояния, что конфликт инноваций с давними традициями обусловил неизбежное поражение прогресса. Касрои, обсуждая серьёзность экономической и социальной ситуации в Иране накануне Конституционной революции, а также отмечая слабые и сильные стороны буржуазных традиционалистов, приходит к выводу, что, как Конституционная революция не смогла достичь своих целей, так и Реза шах, несмотря на свои усилия, не смог разделить традиционное общество от нового².

1 Мухаммад Солор. Вызов традиций и современность в Иране. Конституциональные революции до 1941года. – Тегеран, 2007. - С. 112.

2См.: Сирус Али Неджад. Традиция и современность. - Тегеран. 1994. - С. 54.

Опираясь на нынешнее состояние социальных изменений иранского общества, если предположить, что Иран находится на пороге перехода от традиционного уклада к современному, можно смело утверждать - именно по этой причине переходный процесс здесь является динамичным и активизированным. Многие из этих разнообразных социальных трансформаций двигают иранское общество вперед, где также имеют место и такие метаморфозы, которые под предлогом сохранения традиционных норм, или как отклонение от норм современного социума, в переходном периоде создают определенные трудности.

Для подтверждения данного тезиса достаточно вспомнить то событие, когда в 2006 году социально-политический настрой широких масс людей обусловил участие женщин в выборах общественных советов, и во многих местностях они были выдвинуты как возможные кандидаты. Несомненно, такую ситуацию в современном теократическом иранском государстве можно рассматривать как почву для создания нездоровой обстановки и новых противостояний. Точно так же, прием университетских абитуриентов согласно тендерной сегрегации, использовался в качестве стратегии, чтобы защитить нормы традиционного общества. Закономерны в этом направлении будут постановка следующих проблемных вопросов: какое поведение или действие в современном Иране, как со стороны граждан, так и правительства способствует быстрому переходу от традиционного общества к современному, и какое поведение или действие сдерживает этот процесс?

При этом важно учесть, что неверно поставленный вопрос может иметь следствием много неправильных ответов, и одно неправильное предположение, несомненно, может нас привести к еще более неправильному результату. На наш взгляд, как было об этом сказано неоднократно в разных формах, ни традиционное иранское общество, и ни одна из так называемых «Развивающихся стран», в прямом смысле, не

имеет подобной практики перехода от традиции к современности, которые есть у европейских стран.

Совершенно очевидно, что обобщение заявленного, несмотря на все доказательства обратного, собранного в ходе двух столетий, указывает на его эффективность. Функция подобной эффективности заключается в том, чтобы людей освободить от тупиковой мысли, и чтобы они были готовы воспринимать социальных изменений и модернизацию общества, что, как правило, нельзя смотреть на человеческое общество как на рукотворную комплексную совокупность, свободную с точки зрения культуры и социологии.

В этой связи считаем необходимым, рассмотреть иерархию элементов структуры общества на основе воздействия каждого из них на данную линию, которую люди представляют в своих мыслях, рассуждениях, способов мышления и поведения от «развития» к «недоразвитости», от «замкнутости» к «расширению» и т.д. И это при условии, что все эти категории являются производными от когнитивной модели на основе конкретной формы, которые на данном этапе могут иметь одно значения, а в будущем - другое.

Безусловно, человеческие сообщества являются намного сложнее, как мы их понимаем на уровне обыденного сознания, поскольку у них есть, своего рода, культурная интеграция, возникшая на основе искусственных моделей, например, таких, как «национального правительства». Конечно, это не означает, что эти государства не существуют, или не стремятся открыть или создать свои базовые категории, такие как «нация», «национальная идентичность», «культура», и другие, которые не гарантируют такое воспроизведение. Но следует отметить, что эти построения, прежде всего, являются мнимыми и созданными интеллектом, а во-вторых, и это очень важно, они гарантируются только устойчивой властью. В результате, «переход от традиции к современности» является понятием, которое можно рассматривать как ментальный конструкт.

Вообразим, что мы представляем традицию как прошлое, а модернизм - как сегодняшней день, или согласно социологии XIX века, такие тематики, как переход от сообщества к общине, или от сообщества к личности представить себе в качестве основного компонента в плане традиции и современности, или, говоря языком технократов, увидеть в традиции устаревшие технологии, а модернизм - как область новых технологий (автоматизация, компьютеры, интернет и т.д.). Или, как считают философы, воспринимать традицию в отсутствии мысли и догматизма, а модернизм – относительная неопределенность мысли и размышления. Во всех этих случаях действительно мы сталкиваемся с форматированием и переформированием мышления или эпистемологическими слоями, принцип действия которых основан на определении и востребованности, которые обеспечивают их силу и мощь. Поэтому эти слои с легкостью могут одно когнитивное устройство комбинировать с другим и создавать новые трудности. Каждый из них создает новые формы, каждая из которых предполагает свои особенности и предлагает ключ для решения проблем.

С этой точки зрения, как утверждают учёные, нельзя в рамках сложной идеи, которая сама является результатом современного сложного мира и в то же время результатом тысячелетнего образа жизни людей и взаимодействия с окружающей их природой, внедрить её целиком без изменений на иноцивилизационной почве.¹

Если в традиционном обществе можно совместить такие социальные комплексы, как религия и знания коренных народов, то есть коллективная мудрость предков, которые в незначительном объеме, различными способами и, конечно, с большими трудностями находятся в нашем распоряжении и могут, и должны, наряду с и ресурсами коренных народов других цивилизаций, применяться людьми и их потомками в системе нового мышления и поведения, тогда мы сможем текущую ситуацию приблизить к той, какую собираемся иметь.

¹Сирус Али Неджад. Традиция и современность. Тегеран, 1994. - С.58-112.

В таком случае стоит признать, что опыт заимствования осуществляется не только из своих источников, но и из внешних источников.

При этом предположение, что женщины в традиционном обществе (например, иранском) в сфере труда и науки лишены уважения, а в современном социуме его имеют, является полностью интерактивным и находится в явном противоречии с реальностью.

На самом деле, создание ситуации, которая полностью контролируется лишь мужчинами, содействует расширению потребности участия женщин в психологическом диапазоне, консервирует и воспроизводит систему социального господства мужчин. Этот процесс идет параллельно вовлечению женщин в сферу образования и труда.

С этой позиции, похоже, что присутствие иранских женщин в университетах или увеличение их присутствия на рынке труда (в глобальном масштабе) само по себе подразумевает определенный «прогресс», но никак не влияет на воспроизводство мужского доминирования, и это продолжает быть обычным явлением. В то же время, поверхностный взгляд на текущие вопросы в мире, в целом, показывает, что доминирование мужчин никогда не было настолько мощным, как теперь. Сексуальное рабство, жертвами которого сегодня являются женщины и дети, по размерам и масштабам намного больше, чем расизм в XVIII-XIX веках. Это лишь один из многих признаков того, что женщины, путем собственной недооценки, не только сохраняют, но и укрепляют мужское доминирование. Поэтому, будет более правильным вместо вопроса «могут ли общественные движения, в том числе движения женщин и молодёжи, способствовать переходу традиционных обществ в современность», формировать более широкое проблемное поле, отражающее точки соприкосновения традиции и модернизма. Думается, основная трудность на этом пути заключается в широком непонимании, как традиции, так и модернизма.

Наряду с этой, имеется и другая трудность: как и в прошедшие века, не надо верить в атонию (которая порой очень нужна), необходимо перейти постепенно, но с уверенностью на уровень категорий, которые дают адекватное видение проблемы соответствия традиций и модерна.

Несомненно, воспроизводство общества зависит от состояния не столь больших структур, а скорее - мелких. Оно воспроизводится в умах, в теле, в ежедневных процедурах и в простейших образцах поведения его членов, а не в таких структурах как государство, правительство, большие и малые группы и социальные слои, которые обладают такими характеристиками, как воля, способности, менталитет и приоритеты. Неоспоримый факт, что социальные преобразования также происходят через эти компоненты, и они будут находиться в обратной пропорции к более мелким деталям.

Для подтверждения данной мысли, считаем необходимым, констатировать отдельные моменты анализа данной проблемы современными иранскими исследователями. А именно:

1. Согласно проведенным исследованиям, уже долгие годы современную историю Ирана ученые определяют борьбой между традицией и современностью. Возможно, это не является вполне обоснованным. Многие авторы начало новейшей истории модернизации иранского общества связывают с зарождением движения «Ганбоку», то есть с первым современным социальным движением в стране. При этом они подчеркивают разницу между традиционным и современным иранским обществом, сравнивая её с модернизмом.

Похоже, что традиционные и современные концепции среди иранских исследователей используются, как борьба двух противоположностей, т.е. гибридная позиция, две полярные противоположности и взаимно исключающие друг друга периоды, имеющие различные последствия. Такие сенсационные заголовки, как «Борьба между традицией и современностью», «Нападки модернизма», «Соппротивление традиции», «Захват культурной цивилизации», «Старые и новые

противоречия» и др., часто встречаются в названиях научных монографий и статей. В какой бы уголок иранской культуры не смотреть, обязательно можно находить конфликт между двумя противоположными полюсами: традицией и современностью. Даже современные персидские фантастические романы и повествования, наряду с заметками и советами, традиционной мистической истории, абстрактной живописи, дают также традиционный обзор жизни современной и традиционной семьи. Обзор иранской культурной элиты за последние сто лет показывает, что, по крайней мере, за этот период дифференциация, конфликт, борьба между традицией и современностью всегда находились в фокусе иранских ученых.¹

Для того, чтобы понять, что дало этим двум ключевым терминам особое значение, уместно рассмотреть эволюцию и трансформацию современной иранской интеллигенции, которая состоит из сообществ переводчиков, писателей, мыслителей и политических активистов.

2. Следует отметить, что исследователи, которые изучают процесс модернизацию традиционного иранского общества, иранскую интеллектуальную историю делят на четыре периода.

По их мнению, начальный период появления модерна в Иране, отправной точкой, которой следует считать реформу Аббос Мирза в Табризе, - это первая отправка студентов на учёбы за границу во время Мухаммад Шаха (1835 г.) и создание Технологической академии усилиями Мирза Мелкумхана (1858 г.). Импульс, который был необходим и создал условия для начала этого периода в Иране, связан с внутренними разрушительными событиями, происшедшими из-за голода и холеры. Они, в свою очередь были вызваны поражением Ирана от России, потерей Центральной Азии и Кавказа, а также провозглашением независимого Афганистана. Это сделало иранцев в рамках модерна чувствительными к слабостям своей страны и культуры. Первые заимствования иранцев от

¹Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006.

западной современной культуры было последовательное размышление о собственной слабости и оценке культурных элементов в своём обществе.¹

В эту эпоху, которая славится под названием известнейшего общественного движения конституционного периода, большинство иранской интеллигенции было из благородного сословия и рядовых чиновников, которые зачарованно смотрели на научно-технические успехи Запада и внесли большую лепту в заимствовании этих инновационных достижений, особенно по вопросам военных наук.

Примечательно, что для мыслителей Ирана этой эпохи французская революция была знаменательным событием, и поэтому в их произведениях часто упоминались такие понятия, как права человека, демократия, республика, развитие и другие. В некотором смысле, иранская интеллигенция в эпоху Просвещения была локомотивом просвещения, верила в международные лозунги этого движения, имея корни древнего иранского национализма. Происходящие социально-экономические преобразования и прогресс иранская община воспринимала в качестве местной идеи. Ещё тогда появились первые признаки дифференциации и конфликта между понятиями традиции и модернизма. Интеллектуальная элита Ирана того периода развития для описания западных культурных элементов использовала термины «прогрессивный, новый и развитый», чтобы их отделить от традиционных элементов, которые были синонимами суеверия и отсталости.

Конституционная эра в иранском традиционном обществе является периодом, который, как сокровищница важных данных, может представлять серьезный интерес для многих современных исследователей. Этот период был одним из самых ранних форм заимствования и укоренения современности в не западных странах, который завершился разработкой и принятием первого современного конституционного права в Азии. Она была одна из самых сложных моделей взаимодействия

1Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006.- С.122.

традиционных и культурных элементов современного мира, которая завершилась конфликтом, вмешательством, искажением, укреплением и ослаблением взаимодействия этих двух противоположных социальных констант.

Стоит акцентировать, что Конституционная эра в Иране с ее разворотом к западной цивилизации и невероятные усилия по внедрению элементов этой культуры и сохранению самобытности иранской культуры осуществлялись во все времена правления первой династии Пехлеви. То есть в течение почти тридцати лет, когда политические устремления конституционного правительства под предлогом необходимости сосредоточения внимания на упрочение абсолютной власти, старая программа модернизации иранского общества со стороны иранских конституционалистов с ускоренным темпом была принята к исполнению.

Второй период иранского модернизма, который начался в сентябре 1941 г. можно назвать переходным. Разгром иранского военно-морского флота в Персидском заливе англичанами и оккупация страны союзниками, снова привела иранское общество в шоковое состояние. Запад, который до сих пор имел доброжелательный образ далекой стороны со своими миссионерами и знаменитыми учеными, внезапно, с большим скачком, стал объектом ненависти русских и англичан. Началась эра Каджаров, и память об унижительном поражении от русских и англичан на много лет поселилась в сознании иранцев. Постепенно, с амбициями, эра Резашаха снова, со всей силой стала проявляться во всех аспектах повседневной жизни людей. В этот период, которого отдельные исследователи называют эрой опыта, политический экстремизм, наряду с критикой британского империализма, доминировал в интеллектуальном климате Ирана.

Основная масса культурной элиты страны, которая уже не принадлежала к благородному классу, а формировался из среднего класса и бедных, находился в центре процесса политической модернизации, развития демократии и достижения социальной справедливости. В

результате, просвещенные идеалы конституции, которые подчеркивали роль образования, воспитания и развития новых отраслей науки, постепенно пришли в забвении.

Как известно, в этот период у большинства иранцев доминировала социалистическая идея, и она была популярной среди интеллектуалов, хотя в их сознание существовала ненависть к Англии и СССР. Именно на этом этапе концепция современности передовой частью иранского традиционного общества была признана приемлемой, а антиколониальная и антиимпериалистическая версия была распространена только среди интеллигенции.

По мнению иранского исследователя Хоири, в этот период, цивилизация и современность существовали в виде двух противоположных семантических полюсов. Один из них присоединился к левому движению, а второй – с английским империализмом, и чуть позже с американским. Политические и интеллектуальные течения этого периода, в силу молодости и неопытности шаха, имели беспрецедентную свободу. Вакуум в этом процессе начался с переворотом 28 августа 1953 г., и позже с обретением конституционной власти шахом и затем его обесценения, завершился в 1957 г., чтобы начать третий иранский интеллектуальный период, вобравший в себя опыт двух предыдущих этапов.

Наиболее важным моментом, который с точки зрения политики имеет большое значение, является переворот 28 августа 1953 г., в котором иранские интеллектуалы с целью реализации своих устремлений, были дезориентированы.

Другим существенным моментом считается 1957г., когда создание некоторых современных социальных структур в стране приняло серьезный характер. Это был именно тот период, когда с созданием репрессивного органа САВАК и преследование левых сил, авторитарный режим шаха стал казаться прочным. Особенно в сороковые и пятидесятые годы одновременно началась первая волна студенческих протестов и рабочих забастовок.

Интеллектуалы, которые в этот период писали о конфликтах между традицией и современностью, как правило, были выходцами из села – мигрантами, которые приезжали в города, или принадлежали второму поколению этих мигрантов.

Поэтому их классовое происхождение отличалось от современников первого периода и имеющих образование низшего городского слоя второго периода. Эти интеллектуалы практически принадлежали к ультрасовременному среднему классу, которые были созданы экономическими устоями шаха, чтобы защитить себя от традиционного среднего класса, и что, в конечном итоге, стало причиной его поражения. Заметим, что характерной особенностью мыслителей этого периода было доминирование в их взглядах романтической мысли.

Романтизм, который превалировал в культурном пространстве традиционного иранского общества, питался из различных источников. Во-первых, массовая миграция сельских жителей в города и формирование современных мегаполисов, которые начали образоваться в тридцатые годы, завершилось формированием новой формы городской жизни в Иране. Массовое присутствие сельских жителей или родившихся в сельских местностях иммигрантов, в городах способствовало возникновению большого разрыва среди жителей. С увеличением массы образованных людей, особенно женщин, в сочетании с авторитарной и репрессированной политической структурой, создало ситуацию, которая имела много общего с условиями рождения движения романтизма в Европе в XIX веке.

В течении этого периода, которого уместно назвать романтической эпохой для иранских интеллектуалов, появились мыслители, выражавшие свои собственные мнения, в некотором романтическом виде, по сравнению с аналогичными условиями в контексте философского и спекулятивного параллелизма. Мнения мыслителей-романтиков исследователи отражают в четырех их основных характеристиках:

1. Вера в освободительную политику, которая согласно Эрнесту Касиро, была сформулирована в рамках трех концепций – революция, гражданство и свобода. Эти три понятия впервые получили согласованную формулировку в произведениях Жана Жака Руссо, и после небольшого перерыва, в рамках великой французской революции получили социальное содержание. Склонность к революционному действию и интерес к марксизму, что, сам по себе, полон романтических элементов, считалось современным.

2. Этика, основанная на сострадании, сопереживании, сочувствии, которая отличалась от интеллектуального поведения Конституционной эры, противостояло с ценностями самого Просвещения, такими, как тщательная продуманность, расчет, утилитаризм. Начало этой моральной модели в Иране, как и на Западе, было связано с выходом женщин на арену политики и культуры.

Впервые в истории Ирана в эти годы значительное количество женщин стали грамотными и увеличилась категория документов в виде переводов, особенно женские журналы. В этот период произошло формирование и распространение первой группы людей, которые были независимы от традиционных институтов, таких как управление вакуфным (религиозным) имуществом, или государственным. В персидской литературе этот период романтической поэзии характеризовался в работах Нодирпура и Тавалли.

3. Вера в невероятного романтического героя, акцент на индивидуализм, вера в эффективность индивидуума в истории - порождение Просвещения, которое в своей основе отрицало веру в равенство всех людей. В этот период иранские интеллектуалы восхваляли героев из народа, таких как Тахти, Шариати, Джузни, Навоб Сафави, или мифологических персонажей, как Кова, Ораш, Бобак, Абузар, Салмони Форс, которые воспринимались как герои, формирующие историю.

4. Распространение того, что на Западе называлось «Граница эпох», подразумевало отказ от социальных норм, и отрицание традиционных

правил с их разрушительными последствиями. Точно, как европейские мыслители, бедность и отверженность в течение 80 лет формировали в виде отверженности (Ван Гог), болезни (Норвел Ленов), простоты (Александр Дюма отец) и сумасшествия (Олан Пу, Холдрин Шумон). Иранская интеллигенция также, путем неразумного заимствования, воспроизводила эту модель в своей среде.

В романтической эре традиционного иранского общества, с одной стороны, наркомания, алкоголизм, визуальная и осознанная спутанность вторглись в интеллектуальный класс. С другой стороны, радикальные формы самоубийственного поведения, аскетизм, крайние политические акты, особенно среди политических активистов и левых партизан стали модными. Романтическая эпоха, в определённой степени, даёт о себе знать и в отдельных сферах сегодняшней иранской культурной инфраструктуры. Эмоциональное противоборство с Западом и современностью в нашу эпоху стало более мощным.

В Иране стремление вернуться к историческим корням и самобытности начало кристаллизоваться в рамках исламизма, национального шовинизма или поиска истоков социализма в движениях Мони и Маздака. В сочетании с этим усилились идеи перестройки истории путем революции, и это стало безоговорочно восприниматься всеми интеллектуальными группами. В течение этого периода, впервые после эпохи конституционализма, традиционная концепция получила позитивное значение, а современность стала восприниматься как отрицательная и негативная концепция.

Необходимо подчеркнуть, что романтический период в традиционном иранском обществе продолжался до 1989 г., вплоть до конца войны с Ираком. Затем случилось так, что два запрограммированных процесса – перестройка затронутой войной страны, разгул потребительства с одновременным развитием и расширением популярных средств массовой информации, начало развития спутниковой связи, видео и интернета исключило иранское общество из романтической орбиты, и привело к

новой эре, природа которой до сих пор не ясна. Однако, рациональную форму мирного и разумного управления, демократии и социальной справедливости можно обнаружить в ее структуре. Это, конечно, есть новая и беспрецедентная форма гедонизма и богоправления, установление социальных норм подрастающего поколения, которого иногда называют разрывом между поколениями и, кажется, хотя пока нет точной формулировки для нее.

Опираясь на существующие исследовательские труды, можно выделить четыре этапа интенсивного развития идеи модернизации Ирана: начальный (1891 -1931), переходный (1931 - 1957), романтический (1957-1998) и период переосмысления, который начинается с конца навязанной Ираком войны, и продолжается до сих пор. Как утверждают исследователи, в последний отрезок полувековой истории три общие закономерности относительно собственной идентичности, в противовес «вестернизации», развивались в менталитете иранцев.¹

Безусловно, одна из таких закономерностей тесно связано с религией Ислам, которая со времен своего появления развивалась в рамках двух конкурирующих, порой противоречивых, направлений. Первое направление было сформировано в рамках религиозных и богословских воззрений в виде конституционного правительства. Один из его основоположников был аятолла Мирзо Мухаммад Хосейн Гарави Нойини, который написал трактат под названием «Пробуждение людей и образование нации: необходимость в конституционной представительной власти с целью уменьшения угнетения народа, нации и социального прогресса».

Было бы логичным, если среди лидеров этого движения особо отметить аятоллу Табатабаи, который сыграл большую роль в теологизацию конституционального движения. Это движение, приобретающее название «зелёное», очень скоро разделилось на две части, что сформировало группу духовенства, которое было обеспокоено радикализмом конституционалистов

1Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. - С.87.

и несовместимостью содержания некоторых лозунгов модернистов с духом религии. Самым известным представителем этой группы духовенства считается шейх Фазлулло Нури.

После победы конституционалистов и концентрации власти в монархическом правлении Пехлеви, «зеленое движение» перешло в неактивное состояние и, особенно в переходный период, было в стадии маргинализации. Направления поклонников процесса модернизации, которые в этот период были поглощены наличием руководящего органа политической системы, когда стали исключены, ситуация приняла состояния покоя. Но воинствующая ее ветка, которая не воспринимала растущую секуляризацию судебной системы, образования и искусств общества, стал бдительно анализировать ситуация для дальнейшего выживания. В романтическую эпоху этот процесс стал активным, особенно для того крыла, которое критиковало модернизм в сочетании с идеалами освободительных движений и антизападного настроения в зависимости от ситуации времени, и стал источником вдохновения для других движений.

Несомненно, «зеленое движение» было тем процессом, который во второй половине романтического периода получил политическую власть и стал доминирующей силой в иранском обществе. Именно этот процесс формировал сопротивление Ирана в борьбе с Ираком в символической системе религиозных ценностей. Это движение в период переосмысления снова приобрело свои два крыла. Второе крыло, которое со времен переходного периода до конца романтической эпохи был в состоянии покоя, сейчас известен по имени «религиозная инновация».

Второе важное направление романтической эпохи этого периода - это левое социалистическое, которое можно обозначить красным цветом. Красное направление сосредоточило свое внимание на концепции социальной справедливости и ликвидации дискриминации, и возможно было центральным в эволюции романтического периода.

Левое социалистическое крыло в конституционном периоде формировалось в лоне демократической партии, и с самого начала было связано с большевиками и русскими революционерами. Этот процесс на конституционном уровне на короткий период превратил демократическую партию в доминирующую политическую силу, и, несмотря на репрессии в эпоху Реза шаха, сохранила свои позиции и в течении переходного периода. После переворота 28 августа и разрушения организационной структуры левых партий в середине тридцатых и начале пятидесятых годов XX века, это течение разделилось на две отдельные ветви. Одна ветвь, которая была создана на базе партии «Туде», состояла из опытных теоретиков, которые были несколько разочарованы и избегали радикализацию политической деятельности.

На краю этого основного корпуса появились молодые радикальные группы, которые использовали приемы партизанского движения. Они были открытыми сторонниками революции и имели яростный настрой от революционного романтизма. Этот процесс в годы после революции был маргинализован и практически исчез, хотя социалистическая риторика о справедливости находила свое отражение в других движениях.¹

Третье движение охватывает старые аспекты мышления старого иранского модернизма, и это - то движение, которое во время конституционного переворота держало общественное мнение в своих руках. (Условно его можно было бы обозначить белым цветом). Этот процесс характеризовался такими лозунгами периода Просвещения, как национализм, либерализм, демократическая ориентация. Первое проявление этого процесса выразилось в стремлении и усилиях каджарских вельмож по приобщению к западной цивилизации. Это был тот процесс, который совместно с «зеленым движением» запустил конституционное движение

¹Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. С. 95.

и очень быстро отошел от левого социалистического крыла, как экстремистского направления.

Стоит напомнить, что во времена Реза шаха в Иране, наряду с «зелёным и красным» движениями, зародилось и так называемое «белое движение», которое разделилось на две ветви – монархическую, правительственную и демократическую, антиправительственную. Эти направления в «белом движении» существовали до конца правления династии Пехлеви. Королевская ветвь, которая во времена Реза шаха правила страной, верила в легитимность централизованной и репрессивной власти. Она была намерена достичь прогресса общества с помощью силы.

Что касается демократического, антиправительственного течения, то оно была той ветвью, которая впервые в рамках «нефтяного движения» в структуре «белого движения», объявила о своей независимости, и в лице Мосаддыка нашла своего лидера. В романтический период это движение был в союзе с «зеленым» и «красным» движениями, выполняя посредническую миссию между ними.

После победы Исламской революции в Иране и распада коалиции из трех движений, «белого движения» настигла маргинализация до тех пор, когда некоторые ее составляющие вновь соединились с современными ветвями «зеленого движения», для утверждения демократии.

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что иранскую интеллектуальную историю можно разделить на четыре отличительных периода, с их функциональными задачами, обозначенные нами «зеленым» (исламский), «красным» (марксистский) и «белым» (националистический) цветами, чтобы получить точную картину динамики текущих идей в современной модернизирующейся культуре Ирана.

Характерно, что все три упомянутых движения акцентировали внимание на различные ценности (исламских, социалистических, националистических), верили в лозунги французской революции (братство, равенство, свобода) при решении различных социально-экономических и

политических вопросов. Различные периоды становления государственности Ирана (период Ахеменидов и Сасанидов, появление ислама, период халифата Али, период революции Маздака), они воспевали как золотой век и подражали различным историческим героям, наподобие Хазрати Али, Бобак, Куруш и т.д. Свои стремления последователи этих движений выражали на разных языках, и с помощью различных институтов (мечеть, партия, университет и др.). Следовательно, эти подходы, как отмечают исследователи, следует рассматривать как три различных и несопоставимых подходов в интеллектуальном пространстве иранцев.¹

Тем не менее, выше отмеченные три движения были одинаковыми в нескольких аспектах. Во-первых, все они имели корневую связь с историей Ирана и ее древней традицией. С точки зрения традиционных религиозных институтов, патриотизма, движения правосудия крестьян, эти движения кристаллизовались в единой среде и до модернистского периода они были неотделимы.

Второй общей особенностью вышеперечисленных движений было то, что они ещё до эпохи модерна в рамках широких движений (движение Танбоку, восстание лесников) или ограниченных (ассоциация наказания и преданности исламу) создали для себя романтическое мышление и испытали на себе его пригодность. Среди этих ранних экспериментов следует отметить восстание лесников, которое в духе динамичности современных традиций, соединило эти три элемента: религиозный, социалистический и националистический. Однако, из-за его тесного сотрудничества с коммунистами, следует признать его как ветвь красного движения. Если восстание лесников рассматривать в контексте романтических идей, оно будет один из самых наглядных примеров имитации романтического периода. Лесники внешне подражали Ахеменидам, место их сбора был лес, их лозунги проповедовали всеобщее равенство и независимость Ирана. Своими кумирами они выбрали Мирзо Кучакхан, Гойук, доктор Хешомат, которые были очевидными носителями романтической мысли. Их

¹Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. - С.149.

организационная модель, сознательно или несознательно после сорокалетнего перерыва воспринималась в качестве эталона для всех партизанских групп и боевых организаций, оппозиционных режиму Реза шаха Пехлеви.

Третьей особенностью этих трех движений было то, что все они формировались в романтическую эпоху, то есть в конце тридцатых годов прошлого столетия, на теоретической основе. Позже, в сороковых и пятидесятых годах они в оперативной и организационной рамках излагали разнообразные, порой противоречивые идеи, и стали независимыми друг от друга.

Уместно отметить, что основное различие этих трех движений является то, что особенно после романтической эпохи, все они были сформулированы в рамках философии романтизма, и четыре упомянутых выше характеристик, составляют их основные принципы.

Абсолютно обосновано, что модернизирующемуся обществу свойственны такие черты, как эффективность, гуманизм и ориентированность на сотрудничество. Важнейшими социокультурными индикаторами процесса тотальной модернизации обычно считают: отношение к пониманию прогресса, состояние религиозной ситуации, этнополитическая ситуация, соотношение гендерных и социальных прав, расширение экономической активности, понимание необходимости демократической формы принятия решений.

В Иране, где доминирующей религией является ислам, также как и в других мусульманских странах, в достаточной степени проявляется непринятие своеобразности модернизированного мира, героизация и персонализация сферы верховной власти, от воли которой напрямую зависит успех модернизационного процесса.

Персонализация сферы верховной власти, вместе с тем, влечет за собой проявляющуюся, в той или иной мере, оппозиционность культуре письменных законов.

Как отмечает российский исследователь процессов модернизации в исламских странах: «Модернизационные процессы в исламском обществе проходят в условиях борьбы трех элит: традиционной элиты; элиты, появившейся вследствие модернизации (военные, интеллигенция, чиновники среднего звена); борющихся с модернизацией фундаменталистов, получающих поддержку представителей наименее защищенных социальных групп. Как результат официальных реформ, в обществе зачастую возникают собственные личные и безличные факторы, способствующие форсированным социальным изменениям. Под безличными факторами, в данном случае, понимается то экономическое, социальное и культурное давление, которое испытывает на себе пассивный участник модернизационного процесса.

В результате, в достаточно короткий промежуток времени, первоначально пассивный участник занимает позицию притяжения или неприятия произошедших и грозящих изменений, мысля и действуя в соответствии со своим решением. В первом случае, личность стремится продолжить, закрепить, еще более форсировать процесс светских преобразований, другими словами, сделать то, на что традиционная элита уже не решалась. Консервативно настроенные члены общества, напротив, видели в дальнейшей модернизации реальную угрозу потерь социального, культурного и иного характера; самой страшной для верующей части общества представлялась угроза непосредственно исламским ценностям. Таким образом, наиболее бескомпромиссные сторонники модернизации и самые яркие ее противники в мусульманском мире сходятся в одном: религия и модернизация несовместимы».¹

Знаменательно, что видные представители и «зеленого», и «красного», и «белого» движений признают, что конфликт между традицией и современностью за последние пятьдесят лет расширился. Однако среди них «красное движение» явно противоречит традиции, критикует и

¹Решетняк А.М. Политическая модернизация в исламской социокультурной среде. Автореф... канд. полит. наук. Краснодар, 2011. - С.15.

отрицает ее. С другой стороны, «зеленое движение» с самого начала было защитником традиции, и ее ценностей. Следовательно, эти два движения с самого начала своего существования конфликтовали между собой по этим и многим другим вопросам. Если была бы возможность проанализировать всю литературу, которая за сто пятьдесят прошедших лет была написана по поводу противостояния между традицией и современностью, то можно было заметить ряд повторяющихся и стабильных моделей, которые показывают значимость всех трех движений в модернизационном процессе, особенно по поводу взаимоотношений между традицией и современностью.

Естественно, все три рассмотренные выше движения в Иране, независимо от их лозунгов, были заняты с впечатляющей скоростью и готовностью процессом поглощения и усвоения основных элементов современности.

При этом нельзя упустить из виду того, что в конституционный период, новое «белое движение» с интенсивной скоростью начало пользоваться полиграфической промышленностью и средствами массовой информации. Во время революции «зеленое движение» также пользовалось средствами политической коммуникации, такими, как телевидение, радио, газеты, книги, что свидетельствует о развитии социокультурного пространства.

Можно также констатировать такой курьёз, что все эти движения – религиозное, национальное и социалистическое в современном иранском обществе, как и все другие направления романтизма, не отвергая современность, также не расширили применение новых машин и технологий в производстве. В принципе, этот общий для романтических движений способ, был годен, чтобы, несмотря на отказ от смыслового содержания современности и мудрости Просвещения, радикально использовать ее технические и научные достижения.

Более того, временами все три движения пытались покинуть и отрицать модернизм, и, особенно, его западные элементы. «Зеленое

движение», особенно его антимодернистская ветвь, долгие годы боролась против нового способа изучения Букваря, и даже предложил отказаться от использования аксессуаров, шляп, очков и стульев.

«Красное движение» осуждало экономические институты, верховенство денег, внимание к промышленности. Достаточно ознакомиться с произведениями доктора Шариати (представляющих смесь «красно-зеленых») или Касрави (представитель первой волны «белого движения»), чтобы понять их сопротивление, иногда боязнь от этого предмета. Например, Шариати по этому поводу пишет: «Кто может, как я, осознать, что нашу веселую, яркую и тихую Восточную духовную жизнь уничтожил автомобиль?».¹

Другой последователь этого движения Ахмад Касрави в одном из своих трудов, посвященном современному научно-техническому прогрессу, пишет: «Телеграф, телефон и автомобиль, хотя созданы для битвы человека в техногенных сферах, однако их применяют и для перевозки людей тоже, что делает жизнь более трудной. Они являются программным обеспечением, с помощью которых сильные одолевают слабых».²

Парадоксально все три упомянутых движения, несмотря на то, что использовали научную инфраструктуру и техническую оболочку модернизма, на теоретическом уровне старались удалиться от нее, осуждая ее разновидности.

Все эти движения относили себя в определенном смысле к традиционизму, как к древним истокам, чтобы легитимировать свое существование в иранском обществе.

Например, «зеленое движение», особенно шиитское историческое движение, чтобы установить свою легитимность и правдивость, воспользовалось традициями ислама, в «белое движение» пользовалось древними традициями иранского национализма, который отличается от

¹Цит. из книги Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. - С.194.

² Ахмад Касрави. Высоко поставленный фундамент. Тегеран, 2002. - С. 57.

модернистского национализма. Оно, используя языковые, расовые и географические критерии, выбирало для себя желаемый способ проведения традиционных границ.

Что касается «красного движения», то из-за того, что было преемником марксистской традиции и не во временном отношении не синхронно с другими движениями вышло из народной традиции, было вынуждено создать для себя такую свою, иную традицию. Используемая «красным движением» традиция сочетала в себе крестьянские движения и восстания бедноты, которые были связаны с содержанием эгалитарных религий, таким как манихейство Маздака. Позднее, некоторые ветви «красного движения» эту традицию искали в верхушках ислама, и нашли ее в социальных движениях шиитов, которые, кроме политического равенства, стремились к восстановлению справедливости.

На самом деле, то, что в конце эпохи Пехлеви способствовало формированию красного и зеленого движений и сделало возможным формирование такой гибридной партии, как МЕК (сторонники народа).

Общность поведения в этих трех движениях заключалась в том, что все они выборочно брали все самое хорошее из тела традиции постмодерна, а от остальных отказывались. Другими словами, все эти движения, как и другие романтические движения для радикального отрицания, использовали «некоторые» из традиционных элементов культуры, модернизировали традицию. Красные в начале отрицали религиозные традиции, а в конце – национальные традиции. Зеленые в разные исторические периоды подвергали критике разные части национальной традиции, а некоторые структуры белого движения были несовместимы с религиозной традицией¹.

Вне всякого сомнения, сложность дебатов традиции и модернизма в Иране происходит от того, что все эти вопросы должны пройти через воздействие философского романтизма. Романтизм, как показали труды многих исследователей (например, как Лукач), есть движение, которое

¹Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. - С.203.

находится во внутреннем противоречии. Романтизм является одной из отрицаемых Просвещением форм, одновременно являющийся ее ключевым элементом.

Как выше нами было отмечено, романтизм возникает из открытого местничества, которое корнями связано с многолетней историей иранцев и огромной тоски по величию древней веры. Причины трудностей, возможно, следует искать в истории неразумного конфликта между этими тремя цветами и их субъективных интерпретации о понятии традиции.

Заслуживает внимания тот факт, что, когда изучаем труды современных иранских исследователей по поводу место и роли традиций в общественной жизни, кажется, традиция всегда была и будет в ладах с современностью, и они существуют параллельно.

Интерпретацию традиции и модерна осложняют их структурные взаимоотношения, а также стратегические рамки и политические пристрастия анализаторов, принадлежавших к той или иной политической партии.

Совершенно очевидно, что за прошедшие 150 лет группы, отдельные лица, учреждения и различные правительства подобные претензии (сохранение традиций) и обещания (институционализация преимуществ современности) объединили, и они выбрали из них конкретные понятия. Путаница в терминологии в этой области, скорее всего, возникла из этого неравномерного субстрата.¹

Необходимо заметить, что традиция в Иране, как и аналогичные традиции во всех других обществах, не обладает изоморфным смыслом и символикой. Она есть интерпретация истории, которая формировалась на протяжении разных исторических периодов, преобразовывалась и расширялась. Ферментация этих разрозненных элементов не была сбалансирована. Ассимиляция и интеграция культурной традиции – это миф, необходимый для того, чтобы оправдать авторитарные политические

1Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. - С.211.

институты. Исторический опыт Китая, России и Германии показали, что наиболее тяжелые формы культурного угнетения и ведение одинаковой семантической политики для достижения стабильности является неэффективным. И это в то время, когда такие страны, как Германия и Япония, не используют культурное многообразие и давнюю историю Ирана. Исходя из реалий социальных изменений в Иране, заметим, что эта страна имеет такую культурную структуру, которая состоит из исторического этнического разнообразия. Общество, где сосуществует такое внушительное число мировых религий, которые функционируют и развиваются и, начиная с юга, центральной части до севера, интегрированы в одну культурную традицию.

Думается, обоснованы по этому поводу суждения современного российского исследователя-экономиста, считающий, что опыт экономической модернизации в Иране является наиболее своеобразным по сравнению с другими восточными странами, который, вобрав в себя и "белую" и "исламскую" революции, показал пример взаимодействия традиции и модернизации. В этом проглядывается влияние особенностей экономической системы, которая с начала XIX в. испытывала воздействие английского и российского капитализма¹.

Современные мифы, которые существуют по поводу единой иранской традиции, являются продуктом новых потоков мысли, сформированных в рамках модернизма. Идентичность ценностей, заключенных в скрытых элементах различных традиций, также являются мифом. Традиция в иранском обществе формировалась из сети разнородных, разрозненных, иногда противоречивых смыслов и символов, которые образуются в разные исторические периоды, в различных социальных контекстах, чтобы решить проблемы, например, защищают вопрос развития общества, а некоторые теряют эту ценность. Рациональное освоение элементов, оставляет то, что является ценным и лишится того, что не пригоден, возможно, только тогда,

¹ Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке: Очерки общей теории. М.,1990.–С. 76.

когда мы имеем правильное видение и не пренебрегаем сложностями его ориентаций.

Разумеется, модернизация по-западному, конечно, представляет собой разрыв со средневековой традицией, но это является эндогенным разрывом, который вышел из сердцевины существующих в этом обществе традиций.

Нельзя не согласиться с утверждением, что в таких странах, как Китай, Япония, где как будто распространялась эндемическая современность, мы видим, что давние традиции, лежащие в основе создания современных тенденций с поддержкой или в противостоянии, преобразили ее.¹

Если в странах, расположенных на просторах древнего Ирана, таких как Ирак, Афганистан, Таджикистан, Туркменистан, можно наблюдать ожесточенные сопротивления против самой современности, и если видим, что народы этого региона противостоят относительно вопроса - быть или не быть модернизму, и демонстрируют свое не восприятие нового мирового порядка, это означает, что древние традиции здесь более популярны. Сопротивление некоторых традиционных элементов иранской культуры вовсе не означает их враждебность к модернизму или несовместимость иранской традиции с западной современностью. Данное наблюдение только предполагается, что сложность культурной системы иранцев, в полном смысле этого слова, то есть все те, которые предпочитают иранскую культуру, означает, что история структуризации социальных институтов в этой стране происходит очень долго и поэтому создать базис современности в этой стране, в целом не будет легким. Это не означает, что Иран не имеет неотъемлемую способность к модернизации.

Возможно, в этом пока традиционном обществе существуют такие сложные запутанные инфраструктуры, которые приходят в равновесие с современностью намного позже, чем в других странах.

В восточных традиционных обществах, три ветви современных социальных движений, которых можно видеть в современной истории

¹Шариф Вакил. Традиция и модернизм. №5. Тегеран. 2006. - С.225.

Ирана, за редким исключением, не имеют интереса в другой цивилизации. Только Китай, и в гораздо более простой форме - Япония, в течение этих тридцати лет проявили в себе романтические представления о современности и её многочисленных направлений. На самом деле, романтическая жизнь и сложность романтических процессов в европейских странах были другим, чем в Иране. Там мы были свидетелями быстрого перехода к экстремальным ситуациям, фашизму и демократии, которые в международных конфликтах подорвали и уничтожили друг друга. Это не имеет никакого сходства с относительно стабильным, долгосрочным балансом этих трех сил в Иране и символической динамики, которую имели эти силы в иранском обществе.

Все это означает, что ход событий в недавней истории борьбы между традицией и современностью не может быть легко истолковано, как спад борьбы между ними. То, что в рамках некоторых культурных элементов в Иране генерируется неприятие против институционализации современности, следует рассматривать параллельно с доказательствами обширного заимствования, семантической трансформации и регенерации культурных элементов. Чтобы провести реалистичный анализ противостояния между традицией и современностью с небольшого расстояния, необходимо проанализировать новые формы местной и эндогенной современности. Анализ точки сегодняшнего состояния иранцев в качестве представителей древней цивилизации и принятие решения о будущих наших направлениях развития возможен только в таком случае, когда мы будем опираться на его современное понимание, будем анализировать исторические ее корни, и разделим сравнимые и несравнимые с модернизмом его элементы.

Таким образом, специфика процесса модернизации в иранском обществе, прежде всего, проявляется в разнообразии решения проблем теми общественно-политическими движениями, которые исторически формировались в социально-культурном и политическом пространстве традиционного социума. Она также обнаруживается в противостоянии семантических подходов, где в одном доминировала прогрессивистская

позиция и его приверженцы формировали ментальное поле общественного восприятия вестернизации как неизбежного этапа развития общества. В другом – в традиционалистском подходе, доминирует акцент на традиционные ценности, а «левый» подход использует радикальный способ, философского обоснования романтизм, как форму спекулятивного параллелизма для подкрепления своих революционных действий.

2.2. Состояние процесса взаимодействия традиции и модернизации в современном Афганистане

Одним из ключевых моментов в анализе современного состояния традиционного афганского общества является его модернизация - закономерная и качественная его трансформация. Изучая структуру и статусных изменений афганского общества, истоки и причины противоречий между традицией и современностью в нём необходимо искать, прежде всего, в материальных атрибутах современности, главным образом модернизированного Запада, что берёт своё начало со времен короля Афганистана Амануллахана. Именно в этот период, Амануллахан с целью противоборства с ограничениями, которое свойственно модернизму, начал вносить изменения в обществе, чтобы оно могло лучше перенести инновационные процессы.

Уместно отметить, что младоафганское правительство во главе с эмиром Амануллаханом - это представители общественного движения, выступавшего за демократизацию страны, введение Конституции, за проведение социально-экономических преобразований, направленных на разрушение основ феодального строя и внедрение капиталистических отношений. Социальной базой этого движения были представители интеллигенции, в том числе - часть придворной знати и чиновничьей элиты, которые после завоевания независимости стали осуществлять на практике реформаторские идеи.

Как верно отмечает один из известных исследователей проблем социально-экономической и политической модернизации Афганистана, несмотря на неудачную попытку модернизации, деятельность правительства Амануллыхана оказала существенное влияние на развитие страны: «В начале своего правления младоафганцы развернули бурную деятельность по осуществлению модернизации страны. В результате проведения реформаторской политики Аманулла-хана произошли заметные положительные перемены. Однако политика, которая была призвана способствовать бурному развитию экономики, торговли и укреплению внешнеполитического статуса Афганистана, с течением времени стала встречать противодействие общества и, в конечном счете, потерпела крах.

Вместе с тем, несмотря на неудачный итог модернизации страны, деятельность младоафганского правительства оказала существенное влияние на развитие Афганистана. Последующие правители страны не могли игнорировать опыт и уроки попыток модернизации, предпринятой Аманулла-ханом».¹

Как свидетельствуют источники, в 1919 году король Амануллахан посредством тихого переворота в Кабуле пришёл к власти, и путем заявления он так объяснил свою политику: «Когда мой великий народ доверил мне трон, я дал обещание, что Афганистан, как и другие суверенные державы мира, будет свободным и самостоятельным. Народы Афганистана в стране должны иметь полную свободу, были защищены от всякой агрессии и угнетения, чтобы были законопослушными. Принудительный труд и безработица во всех дисциплинах запрещается. Мы будем реформировать правительство в Афганистане, чтобы наша нация и страна могли среди народов цивилизованного мира занять свое достойное

¹Асель Мир Патанг. Афганистан: проблемы социально-экономической и политической модернизации. Автореф....канд. истор. наук. Москва, 2000.

место и положения. При выполнении своих обязанностей я буду исходить из положения «добротого лидера».¹

Естественно, что Амануллахан, который имел тесные отношения с образованными людьми, смог с близкого расстояния познакомиться с прогрессивными интеллектуалами, и получил необходимую информацию о процессе модернизации страны. По поводу общей модернизации страны он принял решение проводить реформу государственного управления страны. Он изменил систему налогообложения, исправил финансовое состояние страны и уменьшил заработную плату дворцовых работников.²

С реформой налогового кодекса, заменой натурального обмена расширяющимся денежным обращением путем фиксированного, справедливого и всеобъемлющего регулирования, Амануллахан сделал важный шаг в сторону удовлетворения крестьян, фермеров и производителей.

По его инициативе в Афганистане были построены первые на то время производственные предприятия: цементный завод, завод по производству спичек, производству текстильной промышленности и кузнечных цехов, и тем самым положил начало проведению политики содействия внутреннему производству, наложив ограничения на импорт товаров.

Одной из форм модернистской деятельности Амануллахана, которая имела огромное значение, было развитие гражданских отношений, в связи с чем, были приняты меры в социальной, религиозной и политической областях. Особенно в регулировании правоотношений этот политический лидер Афганистана делал большие усилия, которые были направлены на укрепление центральной власти, развитие гражданского общества и верховенства закона, укрепления порядка и стабильности, безопасности и социальной справедливости. В том числе можно отметить разработку проекта Конституции и других законов, кодификацию законодательства.

¹Губор Миргулом Мухаммад. Афганистан по пути истории. Том 2. Издательство «Республика». Тегеран 2008. – С.184.

²Танин Зохир. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.54

Иранский ученый, исследователь политико-правовой модернизации традиционного афганского общества Ахмад Джовид в этой связи пишет: «Опубликован основной закон - это Конституция страны, и на её базе была сформирована исполнительная власть, определены функции премьер-министра, министров, были разработаны судебные порядки».¹

Примечательно, что восьмая статья Основного закона Афганистана приняла форму закона о свободе вероисповедания, а в девятой статье было закреплено, что: «все граждане Афганистана в национальном, религиозном и политическом аспектах равноправны и являются законными владельцами своих гражданских свобод».²

Самым высшим достижением было то, что законы рабства, которые были унаследованы от жестоких предков, Амануллахан отменил. Как известно, этот закон в стране касался не только таких национальных меньшинств, как евреев и индусов, но он распространялся и на шиитов. Эти усилия давали политической системе страны новый облик, что было характерно для тоталитарного, национального и современного государства. Также Амануллахан начал модернизацию судебной системы, после чего прекратились издевательства и пытки подозреваемых и виновных. Было решено, что наказание должно соответствовать уровню преступления. В статье 19 Конституции было написано: «Свобода личности застрахована от любой формы агрессии и интервенции. Ни один человек без правовых и законодательных обоснований не может быть наказан».

Благодаря усилиям правительства Афганистана, в стране перестало существовать рабство. Впервые истории этого государства во многих его областях начали издавать газеты, как, например: «Восточный Союз» в Нангархоре, «Судья» на Юге, «Исламский консенсус» в Герате, «Расцвет Афганистана» в Кандагаре, «Исламский союз» в Мазори Шарифе. Начали издаваться также официальные издания, такие, как «Вера афганца», «Союз»,

¹Танин Зохира. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.44.

²Там же. - С.1247 – 1248.

«Зеркало просвещения», «Афганская звезда» и другие. Начиная с 1927 года, начали выходить и частные издания, как еженедельный журнал «Анис», «Утренний ветерок», «Навруз» и другие.

С целью модернизации экономики Афганистана, Амануллахан также уделил особое внимание улучшению экономического развития страны. Современный афганский исследователь - Губор так характеризует экономическую систему страны в период правления Амануллахана: «Сексуальные налоги, трансферты, покупка зерновых, насильственная провизия, интерфейс между помещиками и налоговиками, безработица и принудительный труд ... были упразднены, и запрещены. Были упорядочены налоги»¹.

При короле Амануллахана была сформирована таможенная система и определен объем таможенных пошлин, были утверждены налог на прибыль обмен валюты, бюджет и бухгалтерия. В 1920 году был принят Закон о портящихся отходах. В результате модернизации, государственные доходы выросли от 80 млн. рупий до 180 миллионов. В секторе торговли также были предприняты определенные шаги. В течении 1921-1924 гг. были подписаны торговые соглашения с Англией, Советским Союзом и Францией. В целях консолидации бизнеса внутри страны, было создано афганское акционерное общества с капиталом в пять миллионов афгани. Были также созданы национальный Банк, Центральный Банк, государственные воздушные компании «Ариана» и «Инхорот». Из других значимых мер Амануллахана можно назвать создание телефонной линии в стране и общенациональной телекоммуникационной сети. Некоторые автомобильные дороги по перевозке товаров между городами были отремонтированы. Было осуществлено строительство нового «Дворца просвещения».²

¹Танин Зохир. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.1196.

²Там же.

Самым заметным направлением модернизационных реформ Амануллахана исследователи называют систему образования. Он начал проводить реформы в различных сферах, и очень серьезно, в том числе в такой сфере, как образование. Начальное образование он сделал бесплатным и обязательным. Построил две разные школы, в том числе школу «Амония», которую впоследствии назвали «Оро». Другая школа была известна под названием «Амони», который впоследствии была переименована в школу «Спасение». В областных центрах также были созданы начальные и подготовительные школы, в которых обучались около 83000 учеников.

Король Афганистана, продолжая процесс модернизации образования в стране, отправлял сотни афганских юношей для обучения в Советский Союз, Германию, Францию, Италию, Турцию. В том числе, определенное количество девушек, с целью получения образования, были отправлены в Турцию. Только в Турции обучались 205 студентов, из них 10 были афганскими девушками, которые приобретали знания в области военной и гуманитарной науках. Наряду с этими усилиями, в Кабуле был построен один кинотеатр, а в городе Ягмон был построен областной театр. Национальная библиотека в Кабуле также была построена в период Амануллахана.

В области международных отношений, Афганистан имел дружественные связи со многими зарубежными странами. Король после обретения независимости, назначил Махмуда Тарзи министром иностранных дел страны. В этот период расширились взаимоотношения Афганистана с такими странами, как Иран, СССР, Япония, Америка, Германия, Турция и другие. В 1921 году был подписан Меморандум о сотрудничестве между молодым Советским Союзом, Ираном и Турцией. Также улучшая отношения с европейскими странами, Афганистан начал сотрудничать со многими другими зарубежными странами в различных областях. Афганские бизнесмены впервые после традиционного авторитаризма начали свободно

выезжать в соседние и европейские страны по торговым делам. Небольшое число иностранных преподавателей работали в Афганистане в сфере образования. Также были приняты меры по обучению студентов в областях реформирования экономики и налога.

Закономерно, что в эпоху правления Амануллыхана в Афганистане, несмотря на все усилия, процесс модернизации давал сбой вследствие личностного фактора, так как он целиком подчинялся воле и желанию правителя. С одной стороны, меньшинство в стране, горстка модернистов против большинства консервативной оппозиции, многие из которых были из дворцовых вельмож, с другой стороны внешнеполитические интересы иностранных правительств, стремились сделать Афганистан буферным государством, находящимся в зоне интересов двух великих держав того времени (СССР и Англия). Эти внутренние и внешние факторы в условиях нестабильного и неустойчивого политического климата и военного присутствия не позволяли расширению и институционализации модернизации в стране. Как справедливо отмечает иранский исследователь: «Англичане не позволяли, чтобы мысли и движения Амануллахана находились в непосредственной близости от Индии. Было ясно, что они хотели препятствовать ему».¹

Другой причиной отсутствия масштабного успеха модернизации было то, что король до начала проведения реформ не мог предложить народу адекватное видение модернизационного процесса. Точнее, он был не в состоянии правильно оценить менталитет общества, и такая политика его поспешных и непродуманных мер, не смогла обеспечить полный успех в модернизации традиционного афганского общества. Амануллахан надеялся модернизировать страну, которая до его прихода к власти была вполне отсталой и традиционной. Хотя некоторые представители интеллигенции и конституционалисты имели доступ к СМИ ряда соседних стран и мира, знали несколько иностранных языков и были знакомы с идеей модернизма на

¹Танин Зохи́р. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.56.

современном Западе, однако абсолютное большинство афганцев ничего не знали о современном мире. Они жили согласно средневековым традиционным верованиям.

Думается, совершенно обосновано мнение, что в таких обществах к «...предпосылкам можно отнести различные проявления неудавшейся модернизации: экономический крах, политическую неопределенность, деградацию систем социального обеспечения. Однако определяющим фактором распространения влияния антимодернизационных движений в исламской социокультурной среде «выступает наличие относительно привлекательного антимодернизационного предложения. Общество, не имеющее такового, с большой долей вероятности, будет стараться, так или иначе, повторить успешный западный опыт. В то же время, социум, раздираемый антимодернистами, традиционалистами и, собственно, модернистами, рискует оказаться в фатальном многоуровневом кризисе» ... Антимодернистами, по сути, могут являться, как исламисты, призывающие к сохранению гендерного неравенства, так и радикалы, бьющиеся за создание нового халифата. Определяющим, в данном случае, станет их отношение к сочетанию объективных установок рациональности, эффективности, гуманизма и ориентированности на сотрудничество».¹

Такое утверждение наталкивает на мысль, что в определенных условиях шариат может даже вытеснить правовые обычаи, сохранившиеся под воздействием модернизации правовой сферы. «В данном случае, авторитет ультраконсерваторов основывается на активно распространяемой идейной конструкции некой шкалы ценностей от «менее» до «более» исламских. В ситуации общего национального подъема, переживаемого группами в условиях транзита, ультраконсерваторы активно паразитируют на настроениях «обращения к истокам».²

¹Решетняк А.М. Политическая модернизация в исламской социокультурной среде. Автореф. канд. полит. наук. Краснодар, 2011. - С.22.

²Там же.

Среди препятствий и серьезных проблем, ставшими барьером на пути усилий, предпринимаемых Амануллаханом по модернизации, была религиозная группировка, которая, создавая широкую оппозицию, отвергала новую политику и рассматривала ее как антиисламскую. Вожди племен поднялись на борьбу против налогового законодательства. Священнослужители также из-за принятия уголовного права, а также противясь образованию девушек и женщин, новые меры короля отвергали. Первое восстание началось в Мангале в провинции Пактия, лидером которого был Мулла Абдулла, известный как Хромой Мулла. Держа в одной руке Коран, а в другой руке Уголовное право, он спрашивал у людей, чему они больше верят. Историю восстания Муллы Ланга, современный афганский историк описывает так: «Ряд мулл в Пактии были возмущены. Они скандировали, что Конституция и законы Амануллахана противоречат Корану и сам создал себе эту систему правил и законов. Хотя Амануллахан попытался, отправив группу представителей духовенства, успокоить их, однако, так как они были подготовлены вне страны, они отказались успокоиться. В 1925 году бунт начался в племени Мангал и распространился до Логара, и положение Афганистана стало удручающим».¹

К сожалению, цель новой политики Амануллахана, была постоянно под прицелом критики противников модернизма. Но, по словам другого афганского ученого Азиза Наим, в определенной степени, причиной всего этого были племенные конфликты: «В тот период противостояли королю узкий слой оппозиционно настроенных консерваторов, которые не восприняли Амануллахана»². В самом деле, эти угрозы не были такими сильными, чтобы расшатать устои правления Амануллахана. По поводу причастия ведущих представителей духовенства страны в антимодернизационные выступления в Афганистане того периода в исторических документах нет упоминаний. Основными участниками

¹Мухаммад Вахид, Политическая система и вызовы современного Афганистана. Материалы афганского Центра стратегических исследований, 1388. - С.125.

²Танин Зохир. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. -С.69.

противостояния были традиционалисты, лидеры племен, а также ближайшие соратники самого короля.

По словам современного афганского исследователя Ахмада Ганизай, многие друзья тогдашнего правителя страны отказали ему в своей поддержке по причине, что он в своей модернистской политике не был постоянен: «Отношения между людьми, которые хотели перемен и правителем постоянно менялись. С одной стороны, король считал себя конституционалистом и хотел участвовать в этом процессе как первое лицо страны. С другой стороны, правитель еще не был готов сам соблюдать эти законы, и не было такого закона, которому подчинялся бы сам правитель. Таким образом, в то время как существовали различные консультативные совещания, однако среди друзей правителя ни один не верил, что король к ним прислушивается».¹

Действительно, кризис, охвативший традиционную семью и этнические противостояния, нанесли большой урон правлению Амануллахана. Как пишет исследователь тех исторических событий: «С одной стороны противостояния дворцовых вельмож, с другой стороны семья Нодирхана и его дяди Насруллахана, вице-преьера, который умер в тюрьме, хотим или не хотим, создавали противостояние правителю. Семья его тоже не была довольна им, потому что он отменил им фонд "зарплаты"»².

Естественно, что, после своего возвращения из Европы, Амануллахан начал ускорять процесс осуществления своих проектов модернизации. «Когда Амануллахан вернулся из поездки в Европу, ускорились созидательные процессы в стране. Он многие изменения в стране осуществил без какого-либо совета с другими».³ Как бы ни была широко распространена оппозиция по отношению к его обновлениям, хотя они были необходимыми и реалистичными, главными причинами их неприятия со стороны его оппонентов являлись кризис традиционной семьи, этнические противоречия

¹Танин Зохир. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.54.

²Там же.- С.69.

³Там же.- С64

и имидж христианина-безбожника, формируемый врагами из-за враждебного восприятия реформ Амануллахана.

Как утверждают исследователи социальных изменений периода правления Амануллахана, другим поводом неприятия проводимой им модернизации его недругами стали новые требования ношения немусульманской одежды, которое сделало плохую рекламу его действиям, что усилило атак на него. Напомним, что, хотя намерения афганского правителя были хорошими, однако в его окружении мало было таких единомышленников, которые хотели и могли разъяснить народу суть этих реформ. Вот, что пишет по этому поводу исследователь его реформ: «Причина предложения короля носить европейскую одежду, заключалось в том, что европейское платье не ограничивалось одной группой людей или племени в Афганистане. Это, в свою очередь, способствовало единству афганского народа.¹

Как не печально, первый период модернизации традиционного афганского общества закончился побегом правителя из страны, и этот процесс в стране был прерван. Тем не менее, в эпоху после Амануллахана, до периода Апрельской революции в Афганистане, были ещё предприняты правительством усилия модернизации государственной структуры, социальной и экономической сферы, которые были не существенными.

Подводя итог модернизации афганского общества периода правления Амануллахана, российский исследователь отмечает: «Десятилетний период независимого развития Афганистана закончился кризисом государственной политики младоафганцев, расколом внутри господствующих классов, социальным взрывом, вовлекшим в свою орбиту широкие массы трудового населения, временной победой реакционных, консервативных сил...»².

Как известно, после Амануллахана традиционная диктатура на долгие годы стала основным политическим и социально-экономическим контекстом

¹Танин Зохи́р. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.52.

²Коргун В. Г. Афганистан в 20-30-е годы XX в. Страницы политической истории. М., 1979.

развития Афганистана в условиях вмешательства и политического давления извне. Новый правитель - Надиршах поставил политическую жизнь страны под жёсткий контроль, исключавший появление оппозиции, недовольство режимом приняло форму индивидуального террора.

Долгое правление следующего короля Афганистана - Захиршаха не могло бы осуществиться без поэтапного перехода его к политике реформ в обществе и постепенной демократизации политической и экономической сфер. Однако, несмотря на принятие Конституции, Захиршах заложил, как бы, мину замедленного действия в политической и социальной сферах, выделив привилегированность по этническому принципу (преобладание пуштунов). В 1960-е годы он пытался содействовать демократизации в социальной сфере и развивать права женщин. Вместе с тем, привилегии пуштунов в политической и социальной жизни вызывало антиправительственные настроения и способствовало появлению оппозиционных партий и движений в стране.¹

Неоспоримый факт, что Захиршах имел в правительстве иностранных советников, открыл первый современный университет, сделал попытку отменить чадру в традиционной одежде женщин и открыл женщинам доступ к образованию, дал им избирательное право, отменил назначение членов королевской семьи на высшие посты. Он внедрил разделение властей и способствовал определенным изменениям к свободе слова через СМИ. Захиршах считал, что «В Коране нигде не сказано, что Аллах против научно-технического прогресса, так почему с ним надо бороться?»²

Необходимо отметить, что социальные перемены в Афганистане, закреплялись в гл. III Конституции 1964 года, которая называлась «Основные права и обязанности народа», хотя они имели, в основном, декларативный характер и не подкреплялись реальными гарантиями. В период правления Захиршаха, помимо конституционного права, общественные отношения

1 Mir Ghulam Muhammad Ghobar, P: «Afghanistan dar maseer Tarikh».

2<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B8%D1%80-%D1%88%D0%B0%D1%85>.

регулирулись нормами шариата¹. Конституция 1964 г. довольно подробно фиксировало основные буржуазно-демократические права и свободы: свободу мысли и слова, печати, собраний и т.д. Была разрешена деятельность политических партий при условии законности и открытости их деятельности и финансовой базы.

Статья 34 Конституции закрепляла права афганцев на бесплатное образование и вводила обязательное начальное образование для детей в тех районах, где государством созданы соответствующие условия. Духовенство юридически ограничивалось в своих правах в области просвещения. Труд объявлен правом и обязанностью каждого трудоспособного афганца.

Новая Конституция наряду с языком пушту, объявил официальным и язык дари, но недостатком в социальных преобразованиях было то, что в такой полиэтнической стране никак не регулировались права этнических меньшинств. «Афганская нация, - говорилось в ст. 1 Конституции, - состоит из всех лиц, которые в соответствии с предписаниями закона имеют подданство афганского государства».²

Стоит подчеркнуть, новый этап модернизации традиционного афганского общества начинается в эпохе подъема Народно-демократической партии Афганистана, которая утвердилась в условиях свержения диктатуры Даудхана не без помощи военной помощи извне и действия внутренних рычагов. Народно-демократическая партия Афганистана в период 1977-1979 гг. в своих рядах имела от 6000 до 15000 членов, которые, как правило, были в основном госслужащие, армейцы, образованные люди и учителя. Рабочие и крестьяне редко становились членами партии. Народно-демократическая партия Афганистана в 1979 году, после свержения диктатуры Даудхана, взяла власть в свои руки³. Эта партия, после переворота, в целях борьбы с отсталостью, с самого начала предприняла шаги на срочную необходимость

1 Дадияни Л. Я. Новая Конституция Афганистана. //Советское государство и право. -1965. № 8. - С.118-120.

² Конституция Афганистана 1964. // Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=472>.
ЗБинешь. - Там же.- С.201.

модернизации страны путем насилия и опоры на внешние факторы. Первые изменения касались земельной реформы, борьбой с неграмотностью и расширением государственного аппарата. Новые власти Афганистана следующим образом обозначили свои главные цели:

- демократические реформы в пользу крестьян, отмена феодальных отношений;
- демократизация общественной жизни и государственного аппарата;
- укрепление и развитие экономики с помощью науки;
- развитие демократии, равные права для женщин и мужчин;
- демократическое решение проблемы кочевников;
- обеспечение начального, обязательного и бесплатного обучения, бесплатной медицинской помощи;
- проводить политику невмешательства в дела других стран, добрососедства, уважения и соблюдения Всеобщей декларации прав человека, поддержании мира и так далее¹.

Примечательно, что новые установки по реализации государственной политики по борьбе с неграмотностью были изложены в приказе № 6, об отмене долгов крестьян перед помещиками в приказе № 7, и приказ № 8 касался земельной реформы².

Как показывала историческая практика, начатый Народно-демократической партией процесс модернизации традиционного афганского общества, остался незавершенным. Причины неудачи в модернизации афганского общества исследователи объясняют по-разному. Они среди многочисленных факторов, препятствующих успешной реализации, задуманной Правительством нововведений в разных областях жизни общества, в качестве доминирующих выделяют следующее:

1. Отсутствие опыта социального предвидения и слишком большая надежда на поддержку Советского Союза, привели Народно-

¹Бинешь. Там же. – С.209.

²Там же. – С.210.

демократическую партию Афганистана к неудачам в осуществлении модернизации общества.¹ Политика аграрной реформы также была неоднозначной. Она должна была поддержана 80% крестьянами, которые имели меньше, чем 20 акров земли. Этот закон, вступивший в силу в январе 1979 года, прежде всего, был осуществлен в отдаленных районах, где имелись большие участки земли, как в Кандагаре и Герате. Более того, сложилось так, что народные восстания начались с приходом на места Комиссии по земельной реформе².

2. Не менее существенным фактором поражения радикальной программы модернизации афганского общества была жестокость, как властей, так и военного контингента их союзника - СССР. Режим полагал, что главной причиной не восприятия реформы является неграмотность людей, и борьба должна быть быстрой и мгновенной: «Дети, взрослые, девочки, женщины и пожилые люди должны в течение одного года стать грамотными. В этой программе в течение 1979 года должны были участвовать около 18500 лекторов. Курс обучения грамоте состоит из 150 часов. Преподаватели в руках имеют новый учебник, каждый четверг утром, в общественном центре, посещают уроки политического образования. На самом деле, с самого начала было ясно, что достижение всеобщей грамотности является политической доктриной.³

3. Игнорирование старых, глубоких закоренелых традиций афганского общества, неуважение к пожилым людям путем принудительного обучения грамоте, по словам историка Мусо Тавоно, народ поверил, что Ислам в Афганистане похоронен: «Партийные руководители начали зазнаваться, и поэтому начали пренебрегать священными постулатами ислама. Женщин насильно вынуждали выходить из домов и посещать курсы по ликвидации неграмотности, что было против традиций афганского народа».⁴

1Танин Зохи́р. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.254

2Рой, Оливьер. Афганский политический ислам и современность. Разави, Чабна, 1990,134.

3Там же. – С.134-144.

4Танин Зохи́р. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. - С.254

При подведении общего итога, процессу модернизации афганского общества в этот период, в целом, не хватало четкой теоретической основы, ее стратегия не была подготовлена на принципиальной основе. Народно-демократическая партия Афганистана была вынуждена в своих верхних эшелонах слепо подражать Советскому Союзу. Хотя атмосфера была очень доброжелательной и люди были увлечены тем, чтобы изменить ситуацию не только между традицией и современностью. В то же время, появились пробелы и противоречия между обществом и правительством, правительством и интеллектуалами, существенно не уменьшились напряженность в направлении социальной и национальной интеграции.

4. Личная диктатура в Афганистане была заменена диктатурой партии. Социальные изменения не имели адекватных инструментов для их внедрения, а главное, форсирование реформ в отсутствие опыта реформирования деформировали весь модернизационный процесс. С созданием напряженности в структуре партии и в условиях внутрипартийной враждебности, развитие и модернизм ушли в забвение.

С приходом талибов к власти, страна откатилась почти к условиям средневековья, и о дальнейшем углублении процесса модернизации не могло быть и речи. Установленные талибами новые порядки на основе законов Шариата, напрочь отвергали всякую инновацию как в политике и культуре, так и в социальной жизни населения страны. Поражение талибов, заключения договора и создания легитимного правительства, позволило тому, что впервые в Афганистане была принята Конституция, основанная на международном опыте и приемлемой для человеческого понимания.

На примере этого основополагающего политико-правового документа можно увидеть попытку добиться сосуществования национально-традиционного и модерна в Афганистане. В практическом измерении, в том числе, в действующей Конституции страны этого можно хорошо заметить. В тоже время следует отметить, что некоторые элементы современности в новой Конституции Афганистана базировались на основе шариата. В

преамбуле Основного закона страны написано: «В соответствии с Уставом ООН и Всеобщей декларации прав человека и для укрепления национального единства, территориальной целостности страны, в целях создания правительства, основанного на воле народа и демократии, создания общества, свободного от угнетения, злодеяния, дискриминации и вражды, основанного на верховенство закона, социальной справедливости, защиты человеческого достоинства, обеспечения основных прав и свобод людей...», и подобные утверждения были расположены рядом друг с другом, такие, как свобода выражения мнений, уважения всеобщей декларации прав человека. Каждый афганец имеет право выражать свою мысль с помощью речи, письменно, изображения, или другими способами, соблюдая положения Конституции. Каждый афганец имеет право, соблюдая постановления Закона, заниматься полиграфией и издательским ремеслом, без разрешения правительственных чиновников (Статья 34). Подобные утверждения занимают видное место в Конституции страны.

На основе выше изложенного, можно предположить, что в нынешней ситуации в Афганистане отказ от традиции и противоборство с ней, не даст позитивных результатов. Точно также, простое следование традиции, ничего не даст. Необходимо развитие и модернизацию использовать для достижения прогресса во всех сферах жизни традиционного афганского общества. Потому что, с одной стороны, все традиционные восточные общества, в том числе Афганистан нуждаются в модернизации и международном опыте использования инноваций.

С другой стороны, нет причин, чтобы современный афганский народ лишился характера своего культурного наследия и традиции предков. Естественно, что молодое поколение Афганистана сегодня есть не тот, что – прежний, и не хочет им быть. Но оно может в своей Родине, без растворения в мировой культуре, использовать достояния мирового сообщества.

По мнению французского социолога Алена Турена, «афганская молодежь - это не верблюд, который идет строго по следам предыдущего

верблюда. Она должна шагать в ногу с современностью и правильно идущим караваном. Это высказывание Алена Турена идёт в разрез с доминирующей атмосферой конфликта между традицией и современностью, вопреки принятым принципам исторических школ теории модернизма.

Вселяет надежду то, что многие современные исследователи верят в возможность сосуществования традиции и современности при условии, когда традицию люди воспринимают не как священное веление, отказ от которого считается большим грехом, а в качестве того, что составляет основу нашей современной идентичности. На этой основе, афганская молодежь, опираясь на культуру собственного народа и опыт взаимодействия с международным сообществом, не должна забывать свою историю и свое богатое культурное прошлое.

Историческое прошлое, которым обосновано гордятся персо-язычные этносы, в том числе - афганцы, подтверждает, что эти народы были воспитаны в школе истории цивилизации и культуры. В Герате, Балхе, Газне по сей день находятся археологические памятники, которые свидетельствуют о богатой культурной истории этих наций, что признанно международным сообществом. Изображения Будды в Бамияне свидетельствует о величии и славе прошлой цивилизации. Такие выдающийся с мировыми именами мыслители, как Абу Рейхан Бируни, Абуали ибни Сино, Абу Наср Фараби и сотни другие здесь разработали свои научные достижения и совершенствовали духовную жизнь человеческой цивилизации.

Важно учесть, что исторически модернизм в культуре персо-язычных народов занимает достойное место. Известные поэты отмечают отличительные особенности их стремления к новшеству и прогрессу. Например, великий мыслитель и поэт - Бедил, гордясь стремлением персов к модернизму, в стихотворной форме писал: «Бедил, моя одежда есть модернизм, пусть пройдут года, но она не состарится». Или Руми таким красивым и естественным стихом раскрыл процесс модернизации и эволюции в мыслях и совести каждого персо-язычного человека: «Каждый

миг обновляется мир и мы, не знаем о новой сфере его существования». Понятно, что с точки зрения этих великих мыслителей достоинства и авторитет любого общества следует связать с модернизацией и развитием во всех его сферах: экономической, политической и культурной жизни.

В любом случае, афганский народ должен при объективной и точной оценке событий, учитывая существующую ситуацию в мире и нынешних условий своей Родины, сохранить ту часть национально-традиционной культуры, память о которой не повреждена в его коллективной памяти, которая переплетается с достижениями сегодняшнего человеческого сообщества. Любое обновление национальных общин и использования при этом опыта других стран, если не будут осуществляться в соответствие с требованиями условий их нормального сосуществования, сможет принести необходимую пользу для прогресса страны.

Таким образом, социально-философский анализ обоснования процесса социальных изменений и модернизации в афганском обществе даёт основание заключить, что проникновение инновационных элементов культуры западных стран, которых абсолютное большинство исследователей считают эталоном современности и цивилизованного развития человечества, проходило и проходит очень медленно. Такими препятствиями на пути социального прогресса в этой стране выступают конкретные исторические обстоятельства и, детерминированная ими, позиция правительства, не уделяющего необходимого внимания формированию ментальной готовности населения влиться в контекст современных мировых преобразований. На это влияет также позиция духовенства в Афганистане, которая намного жестче, например, чем в Иране.

Соединение оппозиции духовенства с племенными противоречиями и привилегиями в Афганистане, консервация этнических интересов в экономической и политической сферах усугубляли неприятие модернизации как унифицирующего процесса. Эти свойства создали пропасть между трактуемой неизменностью традиции и готовностью принять

унифицирующий фактор модернизационного процесса, а также неготовностью правительства заложить идеологические основы для расширения и адаптации инновационных импульсов среди широких масс населения.

В то же время, как в иранском, так и афганском обществах, происходящие социальные изменения и попытки модернизации всех сфер жизни традиционного социума, привели к определённым позитивным последствиям, которые дают основание рассуждать об их перспективах.

2.3. Перспективы модернизации современных традиционных обществ Ирана и Афганистана

Совершенно очевидно, что, происходящие социальные изменения и модернизационные процессы в Иране и Афганистане во второй половине XX и начала XXI века имеют свою предысторию, и ментально закреплены в памяти социума. Тем не менее, поначалу это был процесс, который наилучшим образом воплотил в себе черты вестернизации, даже в явно её форсированной форме. Например, как нами в предыдущих разделах было показано, в 1906-1907 гг. Иран принимает первую Конституцию, начинает принимать первые законы парламент (меджлис), ориентируясь на западные правовые нормы, формируется партийная система, то есть в авангарде идет политическая и правовая модернизация.

Более того, в период правления Реза-шаха (1925-1941гг.) процесс модернизации традиционного иранского общества всё больше приобретает черты вестернизации и, вместе с тем, представляет подражание светской турецкой модели Ататюрка. Иран при Реза-шахе, впервые в XIX веке перестал быть полуколонией, и провел начальный этап индустриализации, модернизацию инфраструктуры (в первую очередь военной), используя зарубежный опыт (но, не прибегая к внешним займам, как при династии Каджаров). Нефтяные поступления от АИНК использовались

преимущественно для модернизации армии, поэтому в стране опробовались (как в Турции и Афганистане) различные системы налогообложения, пытавшие копировать европейские образцы.

Несомненно, в этот период Турция являлась примером политической модернизации для Ирана. Турецкий лидер Ататюрк ликвидировал халифат в своей стране. Провозгласив республику, он утвердил светское законодательство, внедрил светскую систему образования и ограничил собственность и права духовенства. Реза-шах также установил светское законодательство, светскую систему образования, ограничил права и собственность духовенства. Он также в начальный период своего правления рассматривал возможности отмены монархии и введения поста президента, но шиитское духовенство само предложило ему стать шахом, после чего он осуществил секуляристские реформы. Модернизационный процесс был связан исключительно с режимом личной диктатуры Реза-шаха.

В дальнейшем модернизация в Иране в форме ускоренной «вестернизации» в рамках реформ «белой революции» была проведена последним монархом этой страны - Мохаммадом Пехлеви в 60-70-е гг. прошлого столетия, до начала реформ «белой революции». С 1950г. по 1970 года ВВП на душу населения в Иране вырос с 85 долл. до 2,0 тыс. долл. Поступления от экспорта нефти были финансовой основой. Радикальная аграрная реформа, ликвидировала крупное полуфеодалное землевладение и бездольную аренду. Индустриализация включала ввоз новых технологий «под ключ». Приятый Меджлисом закон «О привлечении и о защите иностранных инвестиций» 1955 г., гарантировал неприкосновенность инвестиций. Спустя три года после этого, был принят закон об отмене ограничений для иностранных банков в Иране. Все это ускорило процесс формирования банковской системы современного типа и привлекло иностранный капитал.

В период правления Пехлеви модернизация затронула, в основном, экономическую жизнь Ирана. Благодаря этому, среднегодовой темп прироста

валового внутреннего продукта за 1960/61-1966/67 гг. составил 6,7%, за 1967/68-1976/77 гг. – 10,8%., появились новые отрасли, для расширения возможностей доступа к новейшим технологиям приобретались акции ведущих компаний мира.¹

Пехлеви поспешно строил модель, отличную от капиталистической и советской. Модернизация при этом затронула, главным образом, государственный сектор, и узкий круг предпринимателей, который был тесно связан с государством. Из-за этого появилась коррупция и черный рынок.

Поэтому темпы роста ВВП в 1977-1978 г.г. стали замедляться, росла инфляция, что вызывало неприятие у народа. Режим терял экономическую динамику и социальную привлекательность, что привело к его падению 11 февраля 1979 г.

Вместе с тем, модернизация не завершилась падением шахского режима в 1979 г. и установлением теократического правления, а она длится до сих пор. Именно иранская революция стала пиком исламского возрождения, отражением поиска новых моделей развития в исламском мире. Иранский опыт поиска моделей модернизации «интересен не с точки зрения соотношения в использовании разных экономических концепций (меркантилизм, маржинализм, кейнсианство, неолиберализм и т.п.), а с точки зрения соотношения в использования исламских социально-экономических и политических принципов развития и разработанных западным миром теорий и моделей развития».²

Например, современный российский исследователь, анализируя модернизационный процесс в исламских обществах, характеризует его в Иране как этап вестернизации (1963-1979 гг.), и причины его негативного результата видит в следующем: «В условиях форсированной модернизации для большинства граждан ценность развернувшегося процесса не была очевидной, отсутствовало понимание и принятие перемен. Индустриализация

1 См.: <http://farsiiran.narod.ru/analytics/irmassmedia/irmodelmodern.htm>.

2 <http://farsiiran.narod.ru/analytics/irmassmedia/irmodelmodern.htm>.

вызвала беспрецедентный рост численности населения городов, который в течение нескольких лет наполнил маргинальными массами важнейшие центры страны. Избранная тактика работы с оппозицией не ослабляла последнюю, но еще более питала негативные настроения. Крайне непоследовательным решением выглядело устранение многопартийности (1975 г.), которое отсекло легальные пути диалога в общественном администрировании. Общество достаточно ясно видело образ врага – коррумпированного чиновника, богатеющего в то время, когда народ испытывает естественные для переходного периода трудности».¹

Стоит отметить, что священнослужители Ирана, хотя в течение короткого времени «были в рядах конституционалистов, но вскоре, по мере роста противоречий модернизации и религии, стали изолироваться от конституционалистов и большинство из них остались в стороне от политики».²

Важно иметь в виду, что понятия современности и модернизма отличаются от концепции модернизации и реконструкции. Современность и модернизм предполагают изменение подходов, ценностей и культур. В то время как модернизация означает новый подход, основанный на производственных отношениях. Модернизация также проповедует реконструкцию и научное управление областей технологии.

Вхождение в современность обнаруживает нужду в новой идеологии, основанной на индивидуализме, секуляризме и гуманизме. Эти два процесса в Иранском традиционном обществе до победы Исламской революции не были скоординированы. Пехлевийские правители, в основном, сосредоточивали свои усилия на форсировании экономической и политической модернизации и отказывались от культурных элементов современности. В результате появилась реконструкция без модернизма, которая открыла путь февральской революции 1957 года. Перестройка в

¹Решетняк А.М. Политическая модернизация в исламской социокультурной среде. Автореф... канд. полит. наук. Краснодар, 2011. - С.21.

²Там же.

сфере экономики и политики, конечно, всегда, легче осуществима, и может очень быстро скрыть недостатки культурной и интеллектуальной современности.

Вне всякого сомнения, отсутствие внимания к политической свободе и участию граждан в принятии решений - с одной стороны, и неприятие программы перестройки - с другой, стали основной внутренней причиной свержения режима Пехлеви. Да, союз левых исламистов и националистов в феврале 1957 года сверг монархию Пехлеви, и это был ответ на отказ от сотрудничества для развития деспотической династии Пехлеви.

Сегодня, после осмысления уроков февральской революции, религиозные либералы, которые находились под давлением религиозной тирании, всевозможных преследований, мучений, поняли значение важности разделения религии от государства, а также необходимости индивидуальной свободы и социальных институтов. Большая часть религиозных интеллектуалов сегодня достигли такого понимания, чтобы понять, что религиозный максимализм, то есть утверждение, что ислам содержит всё при себе и можно иранскую современность извлечь из ислама и его источников, является не более чем мифология. Они также обнаружили, что ислам не является изолированной религией, и также, как и христианство, нуждается в своего рода исламском протестантизме. Теперь они признают, что отделение религии от государственных институтов является основой современности и этому надо повиноваться.

Они поняли, что в исламе есть потенциал пересмотреть отношение к модернизации в соответствии со временем. Таким образом, религиозный модернизм (исламский протестантизм) является то, что могут выполнить религиозные интеллектуалы и перспективные священнослужители. Отказ от ислама, чтобы разработать программу для социальной инженерии, является великим уроком, которую религиозные интеллектуалы приобрели от революции и опыта Исламской Республики. Это группа духовенства и религиозных интеллектуалов, которые считают, что ислам

должен вернуться в царство личных убеждений и личной жизни, теперь составляют достойный союз для светских интеллектуалов, которые с уважением по отношению к религии и религиозным верованиям, борются за светский и демократический режим в Иране.

Традиционное иранское общество в соответствии с процессом урбанизации, культурным обменом с современным миром, который был связан с поспешными изменениями без необходимой подготовки, разделило общество на два полюса – традиционализм и модернизм. Первые хотят сохранить традиционные ценности, а вторые - это новые члены общины или молодые люди, которые хотят освободить общество от традиционной патриархальной дужки, что на самом деле является поляризацией общества на данном этапе. На самом деле, отношения и взаимоотношения, которые в определенный период должны стать объединяющей функцией проблемы, не существуют в конкретной форме в обществе. Другими словами, мы являемся свидетелями, что из-за конфликта между механической и органической солидарности, власть клана и вписанный патриархат тесно связаны с династической и современной рациональностью, и в этой связи структура общества формируется в соответствии с социально-историческими требованиями нового поколения. Однако, несмотря на возникшую ситуацию, традиционное поколение все ещё не совместимо с новой структурой.

Неоспоримый факт, что процесс современности на данном этапе ослабляет патриархальную семейную структуру в традиционном иранском обществе. В этой связи власть мужчины в семье, который играет роль супруга и отца, по отношению к социальным правам жены почти находятся на одном уровне, уже по отношению к взрослому ребенку, сокращен в консультативных рамках. Как и в прошлом, в иранской семье доминирует приказной порядок с целью продолжения традиции. И если современные иранские девушки и женщины, принадлежащие к традиционной общине, захотят поступить по своему желанию в соответствии с правами, которые

даны ей обществом, но на ступеньках вне норм традиционной акции, в семье становятся объектом гнева, исключения или уничтожения. По поводу подобных конфликтов имеются достаточно много примеров, которые свидетельствуют о быстром отступлении от модернизма и догматизма некоторых традиционалистов в виде эмоциональной реакции. В возникшей ситуации, больше всего страдают женщины и девушки.

Поэтому, со ссылкой на социальную реальность, мы видим, что некоторые провинции Ирана, в том числе Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, Ардебиль, Курдистан, Илам, Хузестан, Сиистан, Белуджистан, Лурестан, Фарс, Хорасан являются регионами, где существует обряд «убийства за честь» и есть свидетели подобных инцидентов.¹

С целью избежать голословности и показать степень значимости предмета обсуждения, со ссылкой на конкретные факты, считаем необходимым, привести несколько примеров «убийства чести» в современном модернизирующемся иранском обществе (самоубийства женщин и девочек, повреждения женских половых органов, побега из домов), чтобы показать углубления в нём процесса поляризации.

Например, в местности Луристан, девушка по имени Лейла из-за отказа в принудительном браке со своим двоюродным братом, была вынуждена убежать из дома со своим возлюбленным. После того, как её поймали, привязали к дереву и заживо сожгли. А в районе Дизфул, мужчина по имени Джосим, который имел трёх жен, отрубил голову своей 15 летней дочери по подозрению, что ее изнасиловал дядя. В этом же городе, мужчина подозревал свою вторую жену в неверности и, что ее 7 летний сын не от него, отрубил обеим голову.

Или в городе Турбати Джом, мужчина с помощью своего брата и племянника убил свою младшую сестру и бросил в колодец, по подозрению, что она опозорила членов семьи; в городе Сакз, девушка по имени Шунав

¹Бахтияринежд Парвин. Убийства за честь. Тегеран, 2009. - С.15.

Фарходи из-за отказа жить в принудительном браке, была убита своим братом.

Другой пример, Фариште Нежоди, которая была на 18 лет моложе своего мужа, с целью подачи на развод ушла из дома мужа в отцовский дом, где была обезглавлена своим родным отцом по ложному обвинению связи с другим мужчиной, или Захра, 7 летняя девочка из Ахваза, из-за спора между отцом и матери, временно покидает с мамой родной дом и перебирается в дом бабушки. После возвращения в отцовский дом, ее подозревают в изнасиловании со стороны дяди. По этой причине отец убивает свою родную дочь.

В городе Горгон мужчина после ссоры со своей 28 летней женой, в присутствии своего ребенка, путем обливания кислотой, убивает её и многие др.¹

Опыт показывает, что в некоторых курдских районах, наряду с зашиванием половых органов девочек, они с детства также подвергаются обрезанию. Следует отметить, что примерно 70% девочек в портовом городе Гунг провинции Хормузгон в возрасте от 40 дней до 5 лет подвергались обрезанию, что говорит о не восприятия модернизации в этих регионах Ирана. По мнению некоторых экспертов, ежегодно в провинции Илам с населением 580 тысяч человек отмечаются более 400 случаев самоубийства, 220 из которых составляют женщины. Большинство самоубийств осуществляются путем самосожжения.²

По статистике, провинция Илам в Иране имеет самый большой процент суицида путем самосожжения. Вслед аз ней идут провинции Кирманшах, Хамадан, Луристан, Кахгилия, Бушер, Ахмад и Гулистан.³

Совершенно ясно, что провинции, которые основаны на патриархальной культуре, являются базой для самоубийства путем самосожжения. На основе подобной культуры в большинстве случаев

¹Бахтияринежод Парвин. Убийства за честь. Тегеран, 2009. - С.10-11.

²Там же.

³Там же.

девушки вынуждены смириться с принудительным вступлением в брак, что считается одним из основных причин саможжения в этих районах.

Заслуживает внимание тот факт, что официальный представитель Министерства социальных дел Ирана, с учетом проведенного анализа ситуации до 2004 года, заявил, что женщины, больше чем мужчины, подвергают себя саможжению. Основной причиной этого он считает бытовые моменты в современном иранском обществе: семейные споры, домашнее насилие и противоречивые верования мужчин и женщин в их совместной жизни. На основе традиционных представлений, во многих городах страны, особенно в сельских районах, мужчины считают себя властелинами и владельцами женщин. Они ожидают от них беспрекословного подчинения и безусловного принятия своих убеждений и их отстранения от публичной и общественной жизни.

Безусловно, суицид женщин и девушек в отмеченных провинциях, являются проявлением гнева и протеста против традиционной морали и патриархата. Поэтому в рассказанных историях мы видим два сектора, которые являются символом двух типов мышления и рефлексии. С одной стороны стоит мужчина, который символизирует традиционное и патриархальное господства, а с другой - девушка или женщина, которая символизирует идеи модернизма в рамках, существующих в обществе, противоречий, и, по сути, являющаяся жертвой патриархального господства.

Одним из неприятных явлений сегодняшних городов, особенно крупных городов, является побег молодежи. Побег из дома является предметом, который в последние годы привлекает внимания социальных экспертов, психологов и специалистов, и требует серьезных усилий, как бороться с этим явлением.

Относительно побега детей из дома, статистика утверждает об их увеличении. В течение 2001 года не менее 4072 молодых людей в Иране бежали из дома, из которых 14% составляли девушки, 86% - мальчики. В период с 1986 по 1999 гг. процент бежавших из дома

увеличилось в 20 раз, средний их возраст составил 16 лет. По данным Всемирной организации здравоохранения, средний возраст сбежавших из дома несовершеннолетних составляет 14-17 лет, из которых 74% - это девушки, а 26% - мальчики.¹

Побег из дома является разновидностью неадекватного поведения и простой протест против статус-кво в семье, который имеет много причин. Но первопричиной является отсутствие взаимопонимания в развитии традиционного и современного взгляда в городах и городских семьях, которые имеют тенденцию увековечить социальное воспроизводство традиционного типа.

В этой связи, думается, необходимо рассмотреть и другой полюс иранского общества, который возник под воздействием постмодернистского подхода и той причине, что ускоренное развитие и пренебрежения к культурным и традиционным переменам, создали негативные последствия. Постмодернистское мышление в обществе, которое отошло от традиции и модернистские идеи в обществе, и считаются не адаптируемым, наносит естественному процессу модернизации иранского общества непоправимый вред. Потому что, по данным источников, все человеческие достижения будут восприняты как мета-прерогативы, то есть демократизация всех человеческих понятий, но отсутствие внимания к структуре и стабильности общества.

Что касается семейных отношений в современном Иране, то возрастающие темпы разводов, проявления эмоционального и сексуального удовлетворения вне рамок семьи, неформальный брак, и в этой связи - несоблюдение этических принципов децентрализации семьи, святость семьи, которые являются результатом расширения реконструкции общества и семейной мировой культуры, продукты массовой культуры, предложенные средствами массовой информации, фильмов и сериалов,

¹Фарходи Муртазо. Антропология или лицемерие. Тегеран, 2009. - С.15-16.

постоянно подрывают моральный облик семьи и осознанно бросают вызов социальным табу.

В области искусства, особенно поэзии и музыки, в современном Иране наблюдается распространение порнографии, поэтический характер музыки находится на стадии деморализации. Музыка, вместо успокоения и релаксации, дает ложное волнение и бессмысленности для молодежи.¹

Разумеется, односторонняя аккультурация повышает космополитическое чувство, приобретение независимости и меньшую зависимость от коллективных и традиционных правил и установок, как подданство и этническая связь. В действительности, это способствует миграции образованной молодежи из страны и снижает чувство национальной гордости, национальные интересы, которые необходимы для выживания и прогресса каждого общества, превращая их в тоску по Родине.

Сегодня большая часть менее обеспеченных и маргинальных слоев иранского общества, из-за отсутствия возможности обучаться, ориентирована в традиционном направлении, а высший класс - в сторону глобализации и имеют улучшенные социальные ситуации и связи, он воспринял образ мышления и способ потребления европейцев, их интеллектуальные традиции. Таким образом, когнитивный диссонанс и деформированное развитие интеллектуальных моделей, заимствованных у Запада, породили отсутствие пропорционального роста вместе с этими изменениями в этике, философии, искусстве, гуманитарных и социальных наук и в целом стали причиной своего рода аномии в обществе.

Таким образом, трансляция идей модернизации от элиты к массам в Иране всегда была осложнена состоянием преобразователей, в роли которых выступали интеллигенция и духовенство. Именно от их способности донести идеи общественной потребности в усовершенствовании уклада жизни, и

¹Фарходи Муртазо. Антропология или лицемерие. Тегеран, 2009. - С. 15-16.

адаптировать этот процесс к сохранению системы традиционных ценностей зависело не только успешное вхождение общества в процесс модернизации страны, но и потенциальные возможности адаптации собственной традиционной системы в общем процессе развития глобализирующегося мира.

Как не парадоксально, ни интеллигенция, ни духовенство в период пребывания их в оппозиции официальной власти не смогли транслировать новые идеи в общество, так как источник происхождения таких идей и мыслей принадлежал другой культуре и традиции. Однако в период их властвования экономический и политический факторы диктовали им необходимость вновь и вновь генерировать модернизационный процесс в Иране, что, на наш взгляд, будет иметь место и в перспективе.

Причины современных пертурбаций Афганистана корнями уходят в далекое прошлое, и поэтому нельзя выделить какой-то один фактор, приведший к тому, что современный афганский социум называют «неудавшимся модернизированным обществом». История Афганистана характеризуется тем, что она всё время «прерывается»: каждый период развития сменяется периодами деградации всех сторон общественной жизни. При этом все эти события происходят на фоне межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Приход к власти Мухаммада Дауда летом 1973 года к власти к власти, положило начало новому, более качественному этапу модернизации афганского общества. Суть предложенной им программы, заключалась в проведении коренных преобразований в экономической, социальной и политической жизни страны. Приоритетным направлением социально-экономической политики объявлялась осуществление аграрной реформы.

Стоит отметить, что свержение монархии стало естественным следствием социально-экономической и политической ситуации, сложившейся в начале 70-х годов. Программа Дауда предлагала конкретные действия по выходу из данной ситуации. Среди успехов этого периода

однозначно следует признать повышение заработной платы трудящихся, введение 7,5-часового рабочего дня, улучшение условий труда. Ощутимый прогресс был достигнут в здравоохранении и осуществлении реальных мер по устранению неграмотности населения. Принятая при нём, Новая Конституция предполагала значительные демократические изменения: устанавливался однопартийный, парламентарный режим с президентским правлением. Говоря о современном значении реформ Дауда, стоит признать, что не весь потенциал преобразований 70-х годов в итоге был реализован.

Прогрессивные перемены в обществе нивелировались после начала военных действий. Например, до сих пор бездействуют промышленные предприятия, построенные в 1970-х годах. Начавшаяся в это время добыча каменного угля, гипса, газа, свинца затрудняется отсутствием транспортной инфраструктуры. К концу правления Дауда страна стала туристическим центром региона (в год Афганистан посещало 100 тысяч туристов).

Однако в течении почти сорокалетней войны фактически все отрасли экономики были разрушены. Поэтому главной заслугой Дауда стоит признать то, что он показал потенциал этой страны, доказав, что Афганистану вполне по силам развиваться и модернизироваться.

Остается добавить, что талант Дауда как политика проявился в грамотном взаимоотношении с противоборствующими странами «холодной войны». В условиях биполярного мира Афганистан стоял на позициях нейтралитета и неприсоединения. В то же время Дауд строил довольно тесные отношения с СССР с целью получить советское оружие. Налаживание тесных связей с Советским Союзом в целом благотворно сказались на Афганистане: в стране началось строительство крупномасштабных промышленных объектов, транспортной инфраструктуры. Но как писал Ежов: «конечно, в истории не бывает сослагательного наклонения, но иногда кажется, что если бы СССР помог Мухаммад Дауду в свое время справиться с внутривнутриполитическими разногласиями, для страны (кстати, и для нас) это было бы гораздо лучше. Может быть, развитие шло медленнее, но зато

страна избегла бы миллионных людских потерь и того хаоса, в который ее ввергла длившаяся все эти годы гражданская война»¹.

Заметим, что современный этап процесса модернизации традиционного афганского общества, начатый М. Даудом, был прерван Апрельским переворотом 1979 года. Особенно деструктивные последствия прихода к власти коммунистов, а затем «талибов» в середине 90-х годов прошлого столетия в Афганистане, проявились в социальной сфере, особенно положение женщин в этом традиционном обществе.

Как известно, в результате почти 40-летней гражданской войны сотни тысяч мужчин были убиты, и, соответственно, огромное количество женщин осталось вдовами. В патриархальном афганском обществе смерть мужа не только лишает женщину экономических ресурсов, но и подрывает ее социальный статус, вдовы чаще становятся жертвами насилия, социальной изоляции, живут в постоянном психологическом стрессе. Во второй половине XX-ого века ситуация с правами женщин значительно улучшилась, и важным достижением 50-60-х годов можно считать закрепление в конституции равных прав мужчин и женщин, права женщин избирать и быть избранными в парламент, становиться членами правительства. Афганкам было разрешено получать высшее образование в местных институтах и университетах, работать в госучреждениях. Хотя медленно и осторожно, с оглядкой на многовековые традиции, но тем не менее ситуация с гендерным равноправием постепенно улучшалась.

Важным периодом в развитии курса на улучшение положения женщины были и 80-е годы, период так называемого коммунистического правления и присутствия в Афганистане советских войск. Претворение в жизнь программ борьбы с неграмотностью среди женщин, создание для них специальных образовательных и профессиональных курсов, возможность получать высшее и среднее специальное образование за рубежом с

¹Ежов Г. П. Сардар Мохаммад Дауд, государственный деятель и человек // Уральский вестник международных исследований, 2013. Вып. 6. - С.162-175.

последующим трудоустройством в государственных структурах при равной с мужчинами оплате труда способствовали повышению уровня самосознания афганок, их вовлеченности в общественную жизнь, способности отстаивать свои права, как в семье, так и вне нее.

Однако начавшаяся гражданская война, первыми жертвами которой всегда становятся наименее защищенные слои населения, т. е. женщины и дети, приостановила, а затем, после смены режима, и вовсе повернула вспять процесс социально-политической модернизации Афганистана. Сотни тысяч афганок были вынуждены покинуть родину, многие погибли или были ранены во время боевых действий, стали вдовами. Нищета, социальная и юридическая незащищенность, пережитый психологический шок свели на нет все усилия предыдущих десятилетий.

Последним сокрушительным ударом по гендерному равноправию стал приход к власти талибов, и установление средневекового режима, основанного на слепом следовании буквальному пониманию норм шариата.

Женщине было запрещено выходить из дома без сопровождения близкого родственника-мужчины, ношение паранджи стало строго обязательным, все школы для девочек были закрыты, наем женщин на работу карался суровым наказанием не только самой женщины, но и ее работодателя, легальный выезд женщин за границу стал невозможен.

После падения в конце 2001 года режима талибов и ввода в Афганистан войск международной коалиции, т.е. начала периода демократизации афганского общества по западному образцу, возросли надежды на позитивные сдвиги и в положении женщин.

Изменениям в гендерной ситуации способствовали как возвращение Афганистана в международное сообщество, поток иностранной гуманитарной помощи, развитие независимых средств массовой информации, так и изменения в распределении ролевых функций в афганских семьях, начавшиеся в результате многолетнего военного

конфликта, унесшего жизни сотен тысяч мужчин и вынудившего женщину стать кормильцем и гарантом стабильности семьи.

Международное сообщество, принимая во внимание катастрофическую ситуацию с правами женщин в Афганистане, стимулировало законодательное закрепление гендерного равноправия и вовлечение афганок в общественно-политическую жизнь страны.

Так, принятая в 2003 году конституция Афганистана в статье 22 подтверждает равенство прав и обязанностей перед законом всех граждан, независимо от того, мужчина это или женщина. Восстановлены права женщин на образование, трудоустройство, реальное участие в принятии решений по определению будущего устройства афганского общества. Новое законодательство резервирует для женщин 25% мест в парламенте и 17% мест в сенате с тем, чтобы каждая провинция имела своего представителя-женщину в Национальной Ассамблее, кроме того в назначаемой президентом 13 сената, 50% мест предназначено для женщин.

Можно уверенно утверждать, что, наряду с другими детерминантами, роль и статус молодёжи в традиционном афганском обществе позволяют выявить наиболее общие исторические закономерности, сохраняющие своё значение на современном этапе его модернизации.

Как свидетельствует социальный опыт, несмотря на патриархальный характер афганского общества, именно молодёжь играла крайне важную роль в ключевые моменты истории страны. Более того, если согласиться с тем, что основным вопросом новейшей истории Афганистана является поиск путей модернизации, то в контексте анализа роли молодёжи обнаруживается интересная закономерность: попытки модернизации Афганистана и кризисы модернизации, которые, как правило, за ними следовали, неизбежно сопровождались всплеском активности молодёжи.

Уже само обретение независимости Афганистана и первые масштабные попытки модернизации страны, как известно, были тесно связаны с движением младоафганцев, идеологом которого выступал Махмуд Тарзи.

Роль этого движения до сих пор не изучена в полной мере, хотя идеология Тарзи для современного Афганистана более чем актуальна. Тогда афганское общество крайне болезненно отреагировало на проводимые младоафганцами преобразования, и последовавшие драматические события надолго отбили у новой властвующей элиты охоту к реформам.

Однако уже следующая крупная попытка модернизации, предпринятая в Афганистане в середине XX века, вновь всколыхнула молодёжь. На общественно-политическую арену страны вышло движение «Виш Залимьян» («Пробудившаяся молодёжь») и другие организации подобного типа. Любопытно, что в этот период впервые проявил себя (в качестве руководителя студенческого объединения) один из будущих лидеров страны Бабрак Кармаль. Оказавшись неготовой к конкуренции с новыми политическими силами, афганская правящая элита быстро свернула либеральный эксперимент.

Молодёжь Афганистана с новой силой заявила о себе после конституционной реформы 1964 года, когда в стране опять же стартовала очередная попытка модернизации. Буйным цветом расцвели всевозможные политические партии и организации – от крайне левых до крайне правых. Их состав надолго определил базовую конфигурацию политического ландшафта Афганистана, но самое главное – молодёжные движения второй половины 60-х – 70-х гг. заложили основу того социального кризиса, который расколол афганское общество в 1978 году. Его последствия продолжают сказываться до сих пор. Хорошо известно, что будущие лидеры исламской оппозиции (Гульбеддин Хекматиар, Бурханутдин Раббани, Абдул Расул Сайяф и другие) были активными членами группировки «Мусульманская молодёжь», зародившейся в недрах Кабульского университета именно в этот период.

Если продолжить данную цепь аналогий, то и движение «Талибан», возникшее практически из ниоткуда в 90-е гг., также можно рассматривать как следствие процессов масштабной мобилизации молодёжи на фоне очередного кризиса модернизации.

Что касается современного Афганистана, то сегодняшние попытки модернизации афганского общества также тесно связаны с той ролью, которая отведена в нём молодёжи. Неслучайно многочисленные западные организации прилагают значительные усилия для формирования в Афганистане институтов гражданского общества и стараются максимально вовлечь молодёжь в эту деятельность, найти новых «молодых лидеров», помочь им раскрыться. Таким способом происходит формирование кадрового резерва новой элиты, которая при определённом стечении обстоятельств сможет перевернуть общественно-политическую ситуацию в стране. Яркий пример нового типа молодых афганских лидеров – нынешний посол Афганистана в США Хамдулла Мохиб, занявший этот пост в возрасте 32 лет во многом вопреки доминирующей традиции афганской политической культуры.

В любом случае, исследователям проблем модернизации современного афганского общества следует внимательнее взглянуть на проблемы молодёжи в этой стране, и связанную с этим элитную борьбу. Многие учёные и специалисты привыкли связывать Афганистан со стандартным набором угроз и ориентироваться на лидеров «старой волны». Однако именно фактор молодёжи, оставаясь недооценённым, может оказаться ключевым для будущего модернизированного афганского общества.

Безусловно, на процесс социальных изменений и дальнейшей модернизации афганского общества негативно влияют происходящие в стране события. Сохраняющуюся в Афганистане нестабильность, нельзя рассматривать только как результат внутривнутриполитического конфликта. Афганистану навязана война, и основную роль в этой войне, продолжающейся уже четыре десятка лет, по-прежнему играют внешние факторы.

В связи с этим можно выделить пять основных сил, которые в настоящее время ведут борьбу против афганского Правительства, и одна из них лишь – афганские талибы – является внутренней. В то время, как четыре

прочие – международная группировка «Аль-Каида», «Исламское государство» (ДАИШ), исламские формирования из республик Средней Азии (в частности, Исламское движение Узбекистана) и пакистанский «Талибан» – представляют собой внешние и международные структуры, стремящиеся использовать территорию Афганистана для развития своей террористической деятельности, в том числе против афганского нынешнего его режима.

Правительство Афганистана осуществило попытку наладить контакт с воюющими против него талибов, но переговоры с ними в официальном формате зашёл в тупик. Одна из причин этого – неконструктивная позиция Пакистана, при посредничестве которого эти переговоры были когда-то начаты. Несколько раундов переговоров в пригороде Исламабада не дали ожидаемого результата, так как пакистанская сторона стремилась дискредитировать афганское руководство в глазах талибов. Подключение к официальным переговорам США и Китая в рамках четырёхстороннего формата отчасти было направлено именно на то, чтобы оказать необходимое давление на Пакистан. Однако, к сожалению, четырёхсторонний формат также не смог решить поставленных задач. В настоящее время контакты с талибами, хотя бы на уровне отдельных полевых командиров, конечно, ведутся, однако не носят официального характера. Часть таких контактов осуществляется в формате конференций, которые направлены, прежде всего, на то, чтобы подготовить должным образом общественное мнение.

Но наряду с этим, афганское Правительство, как известно, пошло на урегулирование противоречий с Исламской партией Гульбеддина Хекматияра. Переговоры были очень трудными и долгими, но благодаря тому, что конфликт с Исламской партией носил внутриафганский характер, стороны, всё же, смогли прийти к соглашению. Этот пример показывает, что, когда дело не касается внешних сил, афганцы в состоянии самостоятельно решать свои проблемы и договариваться.

Приход новой администрации США позволяет афганцам надеяться на то, что основные усилия западных партнёров наконец-то будут направлены

на пресечение международной террористической активности, исходящей из-за рубежа, прежде всего, с территории Пакистана. Речь идёт об уничтожении центров подготовки, финансирования и оснащения террористов и экстремистов, большая часть которых расположена именно там. Кроме того, афганцы надеются на восстановление конструктивных российско-американских отношений. Согласованная позиция России и США по Афганистану могла бы только способствовать процессам мирного урегулирования.

Таким образом, происходящие социальные изменения и модернизация в Иране и Афганистане показывают, что они, как традиционные мусульманские общества полностью зависимы от управляющей системы, представленной традиционной элитой и не воспринимают произошедшие перемены в качестве угрозы своим интересам. В то же время, задачи, которые стоят перед сторонниками интенсивной их модернизации, в основном пришедших к власти в результате военных переворотов, неизбежно оказывают прямое воздействие на традиционное общество и традиционные ценности. То есть, попытки ускорения процессов модернизации, несомненно, в перспективе должны привести к серьезным структурным социально-политическим, культурным и экономическим изменениям в организации традиционного этих мусульманских обществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами социально-философский анализ социальных изменений и модернизация в традиционном иранском и афганском обществах, показывает, что этот процесс, имея сложное и противоречивое содержание, начался в этих странах еще с конца позапрошлого века и продолжается до настоящего времени. На основании рассмотренных в исследовании главных аспектов изученной проблемы, можно сделать следующие краткие выводы:

1. Совершенно очевидно, что многомерность и многоаспектность социальных изменений в конкретных обществах на протяжении всей истории развития социально-философской мысли были основным фактором разнообразия взглядов и подходов к пониманию закономерности социальных изменений и, собственно, социального развития, как проблемы типологизации и социального моделирования. В настоящее время в обществоведческой науке существуют недостаточно обобщающих определений понятия «социальных изменений» (Р. Бурдон, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Л. Морган, Г. В. Парето, Спенсер, А. Хаулей, П. Штомпка и др.), оставляющих простор для дальнейших его трактовок и теоретизации.

На наш взгляд, обобщающее смысловое толкование определения социальных изменений дано в такой его трактовке: «Социальные изменения - одно из наиболее общих и широких социологических понятий. В зависимости от исследовательской парадигмы, под социальным изменением понимается переход социального объекта из одного состояния в другое, смена общественно-экономической формации, существенная модификация в социальной организации общества, его институтах и социальной структуре, изменение установленных социальных образцов поведения, обновление и рост многообразия институциональных форм и др.»¹

¹Кирдина С.Г. Социальные изменения / Социологическая энциклопедия, т.2, 2003. – С.480-483.
URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=232.

Следует отметить, что слово «модернизация», как термин, было введено в употребление лишь в 50-ые годы прошлого века, и с тех пор оно характеризует теоретический подход, который, перенимая постановку вопроса у Макса Вебера, разрабатывает ее научными и теоретическими средствами социального функционализма.

Понятие «модернизация», как обоснованно подчеркивает Хабермас, относится к целой связке кумулятивных и взаимно усиливающихся процессов: к формированию капитала и мобилизации ресурсов; к развитию производительных сил и повышению продуктивности труда; к осуществлению центральной политической власти и формированию национальных идентичностей; к расширению политических прав участия, развитию городских форм жизни, формального школьного образования; к секуляризации ценностей и норм и т.д.¹

В более широком смысле, модернизация предполагает социальные, экономические, политические, экологические, демографические, психологические изменения, претерпеваемые обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа.

Модернизация как процесс в конкретных обществах имеет две совершенно противоположные фазы. Первая фаза связана с изменениями, осуществляемыми на базе существующих институтов и системы ценностей, в этой фазе модернизация воспринимается частью социума как прогрессивное движение к более совершенному устройству. После достижения определенной точки в этом движении, процесс изменений еще не является необратимым. Характерной чертой второй фазы является то, что если ожидания социума завышены, модернизация начинает вызывать недовольство, появляются новые социальные проблемы, которые осложнены к тому же неравномерным развитием государств.

2. Модернизация современных традиционных обществ, и происходящие в них социальных изменений, особенно в контексте глобальных

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. - С.8.

политических и миграционных сдвигов в мусульманских странах и в мире в целом, в течение последнего десятилетия стала не только теоретической проблемой, но и приобрела широкое цивилизационное значение.

Процесс глобализации вынуждает страны современного мира в отношении модернизации занимать относительно твердую релятивистскую позицию. Представляется, что существует много способов для достижения оптимального варианта модернизации конкретных традиционных социумов, и путь, по которым прошел Запад, не является единственным. Отклонения от классического варианта модернизации, на практике оказались довольно существенными, и со временем теория классической модернизации подвергается модификации. Это стало необходимым, так как классическая модель модернизации не могла объяснить отклонений от теоретического идеала, в том числе хода модернизации в традиционных обществах.

В современной обществоведческой науке, в качестве основных, выделены такие типы модернизации, как «вестернизация без модернизации» (например, Египет, Филиппины), «модернизация без вестернизации» (Япония и другие новые индустриальные страны), где модернизация осуществляется на основе национальных культурных ценностей и «догоняющая модернизация» (ряд африканских и латиноамериканских обществ).

В настоящее время в науке понятие модернизации часто применяется как аналог инновационного развития, а также как переход от традиционного общества к современному (индустриальному). Такие составляющие процесса модернизации, как индустриализация, рыночная экономика, гражданское общество, демократия, правовое государство, рационализм и либерализм являются детерминантами и индикаторами инновационного развития в идеале.

3. Традиционные общества на нынешнем этапе развития подвергаются тотальному влиянию усложняющегося, обусловленного неизбежностью, хотя бы даже, утилитарного влияния достижений прогресса на развитие и выживаемость в мире конкуренции. Историческая практика современных

восточных обществ, частности Ирана, свидетельствует о том, что традиции в них нередко выступают как в качестве механизма, способствующего восприятию элементов современности, так и в качестве тормоза, блокирующего преобразования. Наверное, по этой причине многие исследователи правящую элиту традиционных восточных обществ в социально-политическом отношении делят, соответственно, на «модернизаторов» и «консерваторов».

Опираясь на нынешнее состояние социальных изменений иранского общества, если предположить, что Иран находится на пороге перехода от традиционного к современному укладу, можно смело утверждать - именно по этой причине переходный процесс здесь является динамичным и активизированным. Многие из этих разнообразных социальных трансформаций двигают иранское общество вперед, где также имеют место и такие метаморфозы, которые под предлогом сохранения традиционных норм, или как отклонение от норм современного социума, в переходном периоде создают определенные трудности.

Чтобы получить точную картину динамики текущих идей в современной модернизирующейся культуре Ирана, его интеллектуальную историю можно разделить на четыре отличительных периода, с их функциональными задачами, обозначенные нами «зеленым» (исламский), «красным» (марксистский) и «белым» (националистический) цветами.

Характерно, что все три упомянутых движения акцентировали внимание на различные ценности (исламских, социалистических, националистических), верили в лозунги французской революции (братство, равенство, свобода) при решении различных социально-экономических и политических вопросов. В Иране, где доминирующей религией является Ислам, также как и в других мусульманских странах, в достаточной степени проявляется неприятие своеобразности модернизированного мира, героизация и персонализация сферы верховной власти, от воли которой напрямую зависит успех модернизационного процесса.

4. Изучая структуру и статусных изменений афганского общества, истоки и причины противоречий между традицией и современностью в нём необходимо искать, прежде всего, в материальных атрибутах современности, главным образом модернизированного Запада, что берёт своё начало со времен короля Афганистана Амануллахана. Именно в этот период, Амануллахан с целью противоборства с ограничениями, которое свойственно модернизму, начал вносить изменения в обществе, чтобы оно могло лучше перенести инновационные процессы.

Можно предположить, что в нынешней ситуации в Афганистане отказ от традиции и противоборство с ней, не даст позитивных результатов. Точно также, простое следование традиции, ничего не даст. Необходимо развитие и модернизацию использовать для достижения прогресса во всех сферах жизни традиционного афганского общества. Потому что, с одной стороны, все традиционные восточные общества, в том числе Афганистан нуждаются в модернизации и международном опыте использования инноваций.

С другой стороны, нет причин, чтобы современный афганский народ лишился характера своего культурного наследия и традиции предков. Естественно, что молодое поколение Афганистана сегодня есть не тот, что – прежний, и не хочет им быть. Но оно может в своей Родине, без растворения в мировой культуре, использовать достояния мирового сообщества.

Социально-философский анализ обоснования процесса социальных изменений и модернизации в афганском обществе даёт основание заключить, что проникновение инновационных элементов культуры западных стран, которых абсолютное большинство исследователей считают эталоном современности и цивилизованного развития человечества, проходило и проходит очень медленно. Такими препятствиями на пути социального прогресса в этой стране выступают конкретные исторические обстоятельства и, детерминированная ими, позиция правительства, не уделяющего необходимого внимания формированию ментальной готовности населения

влияться в контекст современных мировых преобразований. На это влияет также позиция духовенства в Афганистане, которая намного жестче, например, чем в Иране.

5. Происходящие социальные изменения и попытки модернизации всех сфер жизни традиционного социума, как в иранском, так и афганском обществах, привели к определённым позитивным последствиям, что даёт основание рассуждать об их перспективах.

Изучение опыта модернизации таких традиционных обществ на Востоке, как Иран и Афганистан может объяснить всю сложность и многоплановость данного процесса, который выступает феноменом прогресса человеческого общества вообще, и детерминирующим фактором трансформации социальных отношений не западного типа, в частности.

Уместно отметить, что большинство традиционные общества на Востоке (особенно Иран и Афганистан), невзирая на имеющиеся между ними определенные различия, связаны друг с другом сущностным единством. Например, объединяющими их факторами, в частности, являются такие показатели, как колониальное и полуколониальное прошлое, культурно-психологические особенности, религиозное верование, а также периферийное положение в мировой экономической системе.

Более того, относительно медленное сближение Востока с Западом в сфере культуры, религии, духовной жизни, по сравнению с темпами интенсивного восприятия достижений научно-технического прогресса, материального производства, также выступает для них объединяющим моментом. Тем временем, это естественно, поскольку процесс модернизации менталитета этно-национальной общности, ее исторически сложившиеся традиции охватывают относительно долгое время. Иначе говоря, несмотря на имеющиеся национальные различия, народов Востока по сей день связывает наличие у всех них определенной совокупности ценностей материального, интеллектуального и духовного бытия.

Происходящие социальные изменения и модернизация в Иране и Афганистане показывают, что они, как традиционные мусульманские общества полностью зависимы от управляющей системы, представленной традиционной элитой и не воспринимают произошедшие перемены в качестве угрозы своим интересам. В то же время, задачи, которые стоят перед сторонниками интенсивной их модернизации, в основном пришедших к власти в результате военных переворотов, неизбежно оказывают прямое воздействие на традиционное общество и традиционные ценности. То есть, попытки ускорения процессов модернизации, несомненно, в перспективе должны привести к серьезным структурным социально-политическим, культурным и экономическим изменениям в организации традиционного этих мусульманских обществ.

Список использованных источников и литературы
Нормативно-правовые документы (на русском языке)

1. Конституция Афганистана 1964. // Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=472>

Законодательные акты правительственных учреждений
Афганистана (на языке дари):

2. Основной закон Афганистана. Кабул, 1923.1.
3. Документы внешних связей Афганистана с СССР. Кабул, 1970.
4. Закон о печати. Кабул, 1924.
5. Закон о режиме работы. Кабул, 1923.
6. Закон о неполивных землях. Кабул, 1923.

Книги и монографии:

7. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная
8. динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск:
9. Сибирский хронограф, 1998. - 804 с.
- 10.Бауман, Зигмунт. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. -
- 11.- 390 с.
- 12.Бодлер С. Роль современной жизни. Париж, 1993.
- 13.Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
- 14.Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма. / Пер. В. Вересаева. М.:
- 15.Недра, 1927.
- 16.Громов И. А., Мицкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая
- 17.социология. М., 2006.
- 18.Губар М.Г. Афганистан на пути истории. Пер. с дари. М., 1987.
- 19.Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2005.
- 20.Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке: Очерки
- общей теории. М., 1990.

21. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация//Новая индустриальная волна на Западе. Под ред. В. Иноземцева. М., 1999.
22. История теоретической социологии, в 5тт./Под ред. Ю.Н. Давыдова. Т. , раздел третий. Гл. 2. М., Магистр, 1997. – 326 с.
23. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2000.- 468с.
24. Кирдина С.Г. «Социальные изменения»/Социологическая энциклопедия, т.2, 2003. -URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=232
25. Коргун В. Г. Афганистан в 20-30-е годы XX в. Страницы политической истории. М., 1979.
26. Латова Н. Герберт Спенсер//Энциклопедия Кругосвет. - URL: http://www.rugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/SPENSER_GERBERT.htm;1
27. Лидак Я.Г. Афганистан, его реформы и их политическое значение для Востока. М., 1929.
28. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13.
29. Маркузе Г. Критическая теория общества. М.: АСТ, Астрель, 2011.
30. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999.
31. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933.
32. Назаров Х.Н. Социальные движения 20-х годов XX века в Афганистане. Душанбе, 1989.
33. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999 Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008.
34. Очильдиев Д.Я. Младоафганское движение (1900-1929). Ташкент, 1985.
35. Парсонс: Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения// Американская социологическая мысль. М. 1996.

36. Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология: Антология в 2-х частях, Часть 1, М., «Университет», 2002.
37. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
38. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захаров. М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
39. Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX начале XX в.: официальная история и историография. М., 1990.
40. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс №1, 1995.
41. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
42. Тойнби А. Постигание истории. Сборник. М., 1996.
43. Тоффлер Э. Третья волна. Электронная библиотека. – URL://www.http://royallib.com/read/toffler_elvin/tretya_volna.html#0.
44. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамика. Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Росспэн. 2008.
45. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
46. Урманова Р.К. Реформы Амануллы-хана. М., 1958.
47. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2008.
48. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959.
49. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
50. Шуан Е.Д. Восстание в Афганистане. М., 1930.
51. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации. // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. – 473 с.

Статьи:

52. В.Э.Багдасарян. Традиционализм и модернизм: проблема синергического моделирования//Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Вып. № 5 (14). М.: Научный эксперт, 2008. - С. 8-139.
53. Буранчин А.М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект.- URL: [20Against%20post-modern% 20world. html](http://20Against%20post-modern%20world.html)
54. Дадиани Л. Я. Новая Конституция Афганистана//Советское государство и право, 1965. № 8. - С. 118-120.
55. Ермаханова С.А. «Теория модернизации: история и современность»/ Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. – URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles
56. Зайцев В.Н. Реформы в Афганистане в 1919-1928 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Востоковедение, 1970. № 1.
57. Ким О. В. Теория вестернизации. - URL: <http://ponjatija.ru/node/9041>.
58. Кирдина С.Г. Об институциональных предпосылках создания некоторых институциональных теорий в рамках Новосибирской экономико- социологической школы//Социально-политические науки, 2013. №3. – С.51-55.
59. Мельников А.С. Проблемное поле экзистенциальной социологии. //Социология: теория, методы, маркетинг, 2008. №2. - С 83-102.
60. Очильдиев Д.Я. К истории англо-русского соперничества в Афганистане (1900-1907)//Научные труды и сообщения. Кн.3. Ташкент, 1961.
61. Прокопьев А.А. «Мэйдзи иссин» как японский вариант консервативной революции//Традиционные общества: неизвестное прошлое: мат. V Меж. науч.-практ. конф., 21–22 апреля 2009 г. Челябинск, 2009. – 256 с.
62. Рейснер И.М. Аграрный вопрос в Афганистане // Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933.

64. Федотова В. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии, 2009. № 12.
65. Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект.
66. Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения, 1991. №8. С.70-79.

Литература на английском языке:

67. Bourdon, Raymond. The Logic of Social Action. London: Routledge. 1981.
68. Julian Bharier. Economic Development in Iran. 1900-1970. London. 1971.
69. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
70. Hawley, Amos H. Cumulative change in theory and in history /American Sociological Review, 1978. № 43.
71. Lasch, Christopher. The Truly and Only Heaven. New York: Norton, 1991.
72. O'Connell, James. The concept of modernization, in: Black, Parley, John E./American Sociological Review, 1990.
73. Persell, Caroline Hodges. Understanding Society. New York, 1987.
74. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-communist Manifesto. Cambridge, 1960.
75. Sahlins, Marshall and Service F. (eds). Evolution and Culture. University of Michigan Press, 1960.
76. Shmuel N. Eisenstaedt. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // International Social Science Journal, August 1992, v.44, no.133 (Historical Sociology: Debate on Methods).
77. Smith, Anthony D. Social Change: Social Theory and Historical Process. London: Longman, 1976.
78. Tiryakian E. Existential Phenomenology and the Sociological Tradition // American Sociological Review, 1965. Vol. 30. № 5. P. 674-688.
79. Robert Heilbroner. The Limits of American Capitalism. Harper & Row, 1966.
80. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. Winter 2000. Vol. 29, № 1.- P.3-29.

81. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996.
82. Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // I. Wallerstein. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc., Paris, 1979.-P.153-155.
83. Inkeles A. Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 342-361.
84. Mir Ghulam Muhammad Ghobar, P: «Afghanistan dar maseer Tarikh».
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B8%D1%80-%D1%88%D0%B0%D1%85>
85. Shils E. Tradition. Chicago, 1981.

Литература на языке фарси-дари:

86. Ассирийская культура. Гуманитарные науки. Тегеран, 1995. 230 с.
87. Бауман З. Советы постмодернизма/Перевод с нем. Тегеран.2005. 465 с.
88. Закои Мохамед Саид. Социология молодежи, второе издание. Тегеран: Аракс, 2007. 392 с.
89. Хушанг Мохруен. Модернизация и кризисы. Тегеран, 2004. 208 с.
90. Таги Рахмони. Религиозные просветители и ум модернизма. Тегеран, 2005. 250с.
91. Джаханбеглу Р. Современность, демократия и интеллектуалы. Тегеран, 1374. 504 с.
92. Рид, Гибинз Бурийе. Политика постмодернизма / Пер. с англ. Тегеран, 2002. 388 с.
93. Берман М. Опыт современности / Пер. с нем. Тегеран, 1384. 601 с.
94. Махрвиян Х. Мы, современность и кризис. Тегеран, 1383. 231 с.
95. Современность и модернизм: сборник статей о политике, культуре и социальной теории/Переводчик и редактор англ. Хоссейн Нозари. Тегеран,1378. 360 с.

96. Насири Г. Постмодернизм и стратегические исследования: методологические последствия/Ж.«Бахар» («Весна»), 2006. №9. С.12-13.
97. Джаханбеглу Р. Модернизм, демократия и интеллектуалы. Тегеран 1995. 224 с.
98. Эскотлес Ф. Социология постмодернизма/Пер. с англ. Тегеран. 2004.
99. Ритарз Дж. Социологическая теория / Пер с англ. Тегеран, 1994. 608 с.
100. Шуджои Занд Алиреза. Поперек христианского Запада и мусульманского Востока. Тегеран, 2004. 254 с.
101. Таги Рахмони. Религиозные интеллектуалы и современный ум. Тегеран, 2005. 350 с.
102. Чайлдз П. Модернизм / Пер. с англ. Тегеран, 2003. 486 с.
103. Современность и модернизм / Сб. статей. Тегеран, 1999. 294 с.
104. Барбью М. Политический модернизм. Тегеран, 2004. 459 с.
105. Джонгз Ч. Что такое постмодернизм?/Пер. С англ. Тегеран, 2004. 650 с.
106. Довари Реза. Постмодерн и традиция. Тегеран. 1994. 311 с.
107. Насири Г. Постмодернизм и стратегические исследования: методологические последствия/Ж.«Бахар» («Весна»), 2006. №9. С.9-10.
108. Скотт Л. Социология постмодернизма. Тегеран. 2002. 384 с.
109. Бозаргони Б. Матрица красоты: постмодернизм и красота. Тегеран, 2002. 125 с.
110. Ромин Джаханбеглу. Модернизм, демократия и интеллектуалы. Тегеран.
111. Гидденс А. Последствие модернизма / Пер с англ. Тегеран, 1998. 452 с.
112. Современность и модернизм / Сб. статей. Тегеран, 1999. 317 с.
113. Хьюстон Смит. Религиозное значение постмодернизма. Пер. с англ./Ж. «Такриз» («Отзыв»), 1377. № 3. С. 42 -71.
114. Сирус Али Неджад. Традиция и современность. Тегеран, 1994. 244 с.
115. Шариф Вакил. Традиция и модернизм. Тегеран, 2006. 195 с.

116. Ахмад Солор Касрой. Традиция и современность в Иране. Тегеран, 1941. 503 с.
117. Бахтияринежод Парвин. Убийства за честь. Тегеран, 2009. 315 с.
118. Фарходи Муртазо. Антропология или лицемерие. Тегеран, 2009. 156 с.
119. Губор Миргулом Мухаммад. Афганистан по пути истории. Т.2. Тегеран, 2008. 318 с.
120. Танин Зохир. Афганистан в двадцатом веке. Тегеран, 2005. 760 с.
121. Мухаммад Вахид. Политическая система и вызовы современного Афганистана/Материалы афганского Центра стратегических исследований, 1388. С. 125 - 141.
122. Рой Оливье. Афганский политический Ислам и современность /Пер. с англ. Тегеран, 2009. 387 с.

Электронные ресурсы:

123. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. URL:<http://gtmarket.ru/laboratory/basis/> 6310.
124. Ландес Д. Культура объясняет почти все. Url: <http://rpczmoskva.org.ru/stati/devid-landes-kultura-obyasnyayet-pochti-vse.html>
125. Клей Остен. Секуляризм на простом языке. www.Secularinforiran.com
126. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре // <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.
127. Махатхир Мохаммад. Путь вперед//www.lib.ru/РОЫТОШО/mahathir.txt
128. Пятенко С. Запаздывающая модернизация//Бизнес-журнал. URL: <http://www.klerk.ru/boss/articles/202133/>
129. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/286-500-1-SM.pdf
130. Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект.–URL:<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984>

131. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>
132. Религия и модернизация совместимы [Электронный ресурс]// Наименование ресурса: Русский журнал. Режим доступа: - <http://www.russ.ru> /Mirovaya_rovostka / Religiya-i-modernizaciya-sovmestimy. (Дата обращения 17.08.2014).
133. Шпенглер О. Закат Европы. Электронный ресурс. – URL: <http://www.file:///C:/Users/User/Downloads/Zakat%20Evropi.%20Obraz%200i%20dejstviteljnostj.pdf>

Диссертации и авторефераты:

134. Асель Мир Патанг. Афганистан: проблемы социально-экономической и политической модернизации. Автореф... канд. истор... наук. Москва, 2000.
135. Бальчиндоржиева Оюна Баировна. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ. Дисс... докт. филос. наук. Улан-Удэ, 2015.
136. Кожемякин С.В. Особенности модернизации традиционных обществ в условиях глобализации. Дисс... к.полит.н. Бишкек, 2009.
137. Линник Елена Викторовна. Модернизация общества как фактор глобализации: Сравнительный анализ и типологизация. Дисс... канд. философ. наук : 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2005.
138. Ряжапов Н.Х. Ислам в общественно-политической жизни современной России. Дисс... канд. филос. наук. М., 2005.
139. Решетняк А.М. Политическая модернизация в исламской социокультурной среде. Автореф... канд. полит. наук. Краснодар, 2011.
140. Саидов Х.С. Полиэтнические общества Востока: общее и особенное в этнонациональных процессах Афганистана и Ирана. Диссер... док. полит. наук. Москва, 2010.
141. Сугрей, Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа. Диссер... док. филос. наук. Ставрополь, 2003.